SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839—1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- Алексей Тихонов
  -
  - Место Боккаччо в истории литературы (Введение)
  - Глава I. Детство и юность Боккаччо
  - Глава II. В Неаполе
  - Глава III. Боккаччо и Фьяметта
  - Глава IV. Боккаччо как политический деятель. Перелом в его жизни
  - Глава V Старость и смерть Боккаччо
  - Источники
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6

Алексей Тихонов
Джованни Боккаччо. Его жизнь и литературная деятельность

Биографический очерк А. А. Тихонова

С портретом Боккаччо, гравированным в С. – Петербурге Константином Адтом

Место Боккаччо в истории литературы (Введение)

То, что называется в истории Средними веками, считается по справедливости временем мрака и невежества. Грубое господство феодалов, безнаказанный разбой, междоусобицы, зверские пытки и сжигание на кострах мнимых колдунов и колдуний, войны с еретиками, суеверия в общественной и государственной жизни, магия как наука, астрологи как непогрешимые предсказатели будущего, – вот картины, которые рисует нам воображение при напоминании о Средних веках.

Не говоря уже о низших сословиях, даже феодалы, занятые войнами и турнирами, большею частью не умели ни читать, ни писать. Просвещение сосредоточивалось тогда исключительно в руках духовенства. Монастыри считались хранителями всех ученых сокровищ. Отсюда и вся наука того времени носила богословский характер. Латинский язык был всегда языком католического богослужения, и потому тогдашние ученые, *схоластики,* писали только по-латыни, – хотя довольно грубо и неумело, – и занимались преимущественно догматами религии, которые они основывали на Евангелии, на сочинениях отцов церкви и отчасти на философских сочинениях Аристотеля, дошедших до них в латинском переводе. Все, что не согласовалось с этими догматами, признавалось ересью, и еретическим сочинениям грозило сожжение. Представителями поэзии были только трубадуры и миннезингеры. Все, что составляло изящную литературу древних Греции и Рима, было более или менее тщательно позабыто, и воспоминание о языческих божествах считалось греховным.

Книги существовали тогда только рукописные, на пергаменте, и поэтому являлись чрезвычайной и дорогой редкостью. Если монастыри в своих библиотеках и сохранили нам часть древних книжных сокровищ, то, как знать, не большую ли их часть они растратили. Недостаток в пергаменте, бедность и невежество некоторых благочестивых затворников породили, как известно, массу палимпсестов – рукописей по стертому. Творения древнего гения – быть может, лучшие, драгоценнейшие – стирались с древних свитков, и на вымытом пергаменте писались служебники и псалтири, а иногда из листов пергамента древней рукописи, наклеивая их один на другой, делали крышки переплетов для позднейших книг. Если бы изобретение бумаги и книгопечатания не положило конца этому расточению сокровищ

прежней учености, кто знает, сколько бы их еще погибло таким образом.

Но, прежде чем с эпохой великих изобретений и открытий началась новая история, уже конец Средних веков ознаменовался стремлением снова вызвать к жизни лучшие стороны угасшей древнеримской и греческой образованности, и это пробуждение могло совершиться, конечно, скорее всего там, где памятники древней архитектуры и быта, не сокрушенные веками, служили как бы связью между потомками и предками – в Италии. Как будто после долгой темной ночи забрезжило наконец утро, – так знаменательная в истории человечества эпоха Возрождения наук и искусств охватила сначала Италию, а потом и другие, смежные с ней страны. Поднявшаяся тогда из глубин древнего мира могучая волна прежней образованности и культуры раскатилась далеко, и зыбь, вызванная ею в жизни новых народов, чувствуется еще и до наших дней.

Началось прежде всего с тщательного изучения латинских, а потом и греческих писателей, не имевших ничего общего с тогдашним суровым богословием и схоластикой, а под этим влиянием последовало и процветание наук и искусств. Люди, изучавшие древнюю классическую литературу, сбросив долгий гнет средневекового монастыря, искали свободы и простора человеческому духу и обратились к изучению собственно человека (homo) на земле и всего к нему относящегося, всего доступного свободному пониманию простым человеческим разумом; поэтому их, в отличие от прежних теологов, и называли (от homo, humanus) гуманистами, науки, которыми они занимались, – гуманитарными, а все умственное движение той эпохи – гуманизмом, явившимся в то же время антитезой, противовесом обскурантизму Средних веков. Каковы бы ни были ошибки гуманистов, впадавших иногда в крайности в своих воззрениях, они могут найти себе извинение в крайностях противоположного характера, с которыми гуманистам приходилось бороться.

Хотя довольно широко распространено мнение, что умственное движение эпохи Возрождения вызвано греческими учеными, рассеявшимися по Европе после падения Византии и перекочевавшими главным образом в Италию, но в действительности оно началось в Италии гораздо раньше, и если между этими греческими изгнанниками мы не находим ни одного особенно выдающегося, то, с другой стороны, Италия дает нам три громких имени: Данте, Петрарка и Боккаччо могут быть названы настоящими отцами гуманизма. При этом Данте является как бы предтечей и провозвестником, Петрарка –

пророком, учителем, основателем школы, а Боккаччо – его ближайшим помощником и апостолом. И хотя все трое шли неодинаковыми путями, значение их в истории тогдашней литературы одинаково важно.

Но Данте, выбравший себе образцом и учителем Вергилия и руководимый им во время путешествия по аду и чистилищу, является все еще лишь теологом своего времени, и его знаменитая поэма полна католической догматики. Он еще охотно погружается в самые тончайшие хитросплетения теологии, и в нем еще сильно отвращение богослова к еретикам и сектантам. Мы не будем останавливаться здесь на его «Божественной комедии»; отметим лишь важное значение того обстоятельства, что она написана на итальянском языке, а не на латинском, считавшимся исключительным языком образованного класса. Отступая в этом случае от обычая, избирая для своего творения «вульгарный» язык, Данте дал большой толчок развитию итальянской литературы и вместе с тем, увеличив круг своих читателей, обеспечил своей поэме бессмертие. Когда друзья упрекали его за то, что он свое великое творение облекает не в надлежащее одеяние, разумея под этим итальянский народный язык, Данте с гордостью заявлял им, что он именно хочет этому презираемому языку сделать честь, избирая его выразителем своих великих идей. И он был тысячу раз прав, потому что в латинском языке, как показал опыт, ни он, ни другие никогда не могли возвыситься до классических образцов древности, и все произведения средневековой латыни не имеют никакой художественной ценности, а лишь историческое значение по их содержанию. Гораздо важнее было усвоение духа языка и произведений древности и применение его к новым формам жизни.

Настоящее воскрешение древних классиков со всеми их особенностями начинается Петраркой. Говоря о Боккаччо, нельзя не остановиться на Петрарке, имевшем на него огромное влияние как своими произведениями, так и личным общением. Сказанное о Петрарке будет пояснять многое в дальнейшем изложении жизни и деятельности Боккаччо.

Заслуга Петрарки заключается более всего в вызванном собственно им движении гуманизма. Он не только воскресил лучшие стороны древнего духа, но повел их в битву с окружавшим его современным миром и провидел уже в этой борьбе зародыши лучших дней в грядущем. Его гений дал направление многим позднейшим талантам, и хотя он во многих знаниях был впоследствии превзойден своими последователями и подражателями, но лишь в таком же смысле, как любой ученик

нашего времени знает топографию Америки лучше, чем знал ее Колумб. В истории умственного развития человечества имя Петрарки всегда останется звездой первой величины.

В то время еще нужно было отстаивать для поэзии самое право на существование. Поэтов называли людьми, избравшими своей профессией вымысел, следовательно, ложь. Древних поэтов считали наставниками во всякой мерзости и совратителями в язычество. Даже Вергилий многими не исключался из общей оценки такого рода. Чтобы защищать древних поэтов, Петрарке приходилось приводить, например, такие доводы, что-де и отцы церкви, если бы не изучали древних ораторов, не могли бы быть столь красноречивыми в борьбе с еретиками, что сам Христос говорил притчами, а это и есть поэзия в аллегорической форме. Петрарка, всей своей славой обязанный поэзии, защищал ее всегда с той горячностью, с какой защищают только свое собственное, близкое к сердцу дело. Юношей выступил он на эту борьбу, и старость застала его все еще борющимся. И потом сотню лет еще продолжали дело защиты поэзии его ученики против все тех же врагов и почти тем же оружием, теми же аргументами. Церковь же и схоластики с озлоблением и ненавистью защищались против нового пришельца – светской поэзии, – пока наконец не были вынуждены принять его, дать ему место и право воздействовать на умы и сердца людей, дотоле исключительно им подчиненные.

В 1353 году приезжал в Авиньон, тогдашнюю резиденцию пап, где находился и Петрарка, – знатный византиец Николай Сигерос, для переговоров о соединении церквей греческой и латинской. Петрарка, поглощенный тогда мыслью о разыскании всех потерянных рукописей Цицерона, поклонение которому у него доходило до степени чуть ли не религиозного культа, обратился к Сигеросу с просьбой по возвращении в Византию поискать там заветные рукописи. Сигерос не нашел ничего, но зато прислал Петрарке в подарок экземпляр песен Гомера. И, несмотря на отчуждение, которое существовало тогда между двумя церквями, несмотря на веками укрепившуюся ненависть к схизматикам, восток и запад протянули на этот раз друг другу руки, и первым связующим звеном между ними явился певец Илиона. Этот экземпляр Гомера был первым беглецом, спасавшимся из Византии от угрожавшего востоку варварства турок. Петрарка принял его с распростертыми объятиями и, хотя едва мог читать его, стал ревностно пропагандировать изучение греческих писателей, помня, как высоко ценили Гомера римляне. С тех пор началось общение между Италией и Византией, имевшее такие огромные для просвещения последствия.

Являясь проповедником гуманизма и обращения к древним образцам, Петрарка резко нападает на всю науку схоластиков, называя ее кучей мусора, в которой скрыты лишь ничтожные крупицы золотой правды и мудрости, считает ее вредной и требует беспощадного ее устранения. Только то, что имеет непосредственное отношение к человеческой жизни, кажется ему важным и достойным изучения. Он упрекает схоластиков в том, что они сделали из искания правды, из науки ремесло для добывания денег, торгуя ей как товаром; он нападает на тогдашние университеты, облекающие невежд и глупцов степенями магистров и докторов; он нападает на астрологов, гадающих по звездам о судьбе народов и не знающих о том, что происходит вокруг них; на философов, проповедующих добродетель и мораль и не исполняющих в жизни того, что они проповедуют; на богословов, обратившихся в диалектиков и софистов: они не хотят быть любящими Бога детьми и созданиями его, а знатоками его свойств, и то лишь хотят не столько быть, сколько казаться таковыми; шарлатаны-доктора, алхимики, юристы, знавшие наизусть кодексы законов и не понимавшие философского смысла прав человека, – словом, люди всех профессий, не доверявшие тому знамени гуманизма, которое поднял Петрарка, нашли в нем фанатического преследователя.

Нужно было иметь много отваги, чтоб решиться выступить с такой проповедью, когда астрологи были важными персонами при дворах владетельных особ, а сами богословы поддерживали целый ряд суеверий в народе. В университетах Падуи и Болоньи были кафедры астрологии, и Петрарка недаром называл их рассадниками невежества и указывал им на то, что еще Цицерон возвышался над суевериями толпы, верившей в пред сказания авгуров.

Петрарка хотел, чтоб науки и философия имели своей задачей не пустые, отвлеченные понятия, а служили бы подъему нравственности и духа человека. Понятие о философии переходило у него в мораль. Настоящий философ представлялся ему в то же время истинным христианином. Нападая на тогдашних богословов и взывая к древним философам, Петрарка является в то же время апологетом христианства, которое он стремится очистить от всего, что к нему в разные времена приметалось из языческих суеверий, от диалектики и софистики невежественных схоластиков. Он ищет для себя лично непосредственного откровения только в учении Христа и ревностно защищает христианство, такое, каким он его понимает, от нападок, устремленных на него со стороны существовавшей в то время секты *аверроистов:* так называли последователей одного

арабского философа, по духу своего учения и по образу их жизни называвшихся также атеистами и эпикурейцами. Против них Петрарке пришлось долго защищать христианское учение, и он говорил при этом, что их кощунство всегда подогревало в нем ослабевавшую в борьбе энергию. Хотя у своих любимых древних философов он встречается с другими, чем у христиан, понятиями о божестве, с понятиями языческими, но там он не находит кощунства, потому что христианское учение было им неизвестно, аверроисты же являются для него злейшими врагами. Нужно заметить, что в этой борьбе с аверроистами за христианство замешался в значительной степени и личный элемент: аверроисты насмехались над Петраркой, не признавая его учености, причем славолюбивый Петрарка не раз высказывал, что они затеяли весь спор с ним из зависти к его славе, и, понятно, тем ожесточеннее нападал он на своих противников.

Доходившая почти до болезненности любовь к славе, и в особенности к *славе в потомстве,* была у Петрарки отголоском его занятий классической древностью. Древнее, благородное славолюбие, ради которого люди самоотверженно шли на геройские подвиги, было не согласно с духом христианского смирения и мало-помалу было позабыто, исчезло из обращения. Оно воскресло вновь в Петрарке, страстно искавшем славы в потомстве, подобно его излюбленным героям древности. Вместе с этим Петрарка является и праотцом *индивидуализма.* Средневековый быт, отчасти под влиянием великого переселения народов, создал повсеместно общинное устройство: союзы, корпорации, цехи, рыцарские и монашеские ордена подавляли всякое проявление индивидуальности; люди жили и работали только в интересах и интересами общины, к которой принадлежали; жизнь масс была с внешней стороны до крайности однообразна, и если отдельные из них и выделялись, то лишь как первые между равными, как выразители мнений, желаний и целей своих единомышленников, от которых они так или иначе зависели, выступали представителями своего сословия, своей касты, а не как личности. Петрарка же, на том поприще изучения классической древности, которое он избрал себе целью жизни, никому ничем не обязанный, кроме самого себя и своих любимцев – древних мудрецов и поэтов, ни с кем в этих занятиях не связанный, ни от кого в них не зависевший, – Петрарка работал только по собственному побуждению и ради собственной славы. Везде на первом плане у него была его собственная личность. В Данте, одиноко бродящем вдали от шумной толпы, уходящем мечтой в загробный мир от мира живущих, над которыми он чувствует свое превосходство, мы видим уже начало

новейшего индивидуализма, долженствовавшего сменить средневековую общинную безличность. У Петрарки этот индивидуализм проявляется ярче, разнообразнее и активнее. Не только сам он стремится *выдвинуться из толпы,* отличиться в ней, достигнуть почета у современников и неувядаемой славы в потомстве, но и самую эту толпу он рассматривает совсем не с прежней точки зрения безличной в своих составных частях корпорации, а видит ее состоящей из отдельных членов, из которых каждый обладает своими собственными качествами и свойствами и идет в этой жизни своим путем. Даже в истории жизнь и участь целых народов занимает Петрарку гораздо меньше, чем жизнь и подвиги отдельных лиц, героев. Всей своею жизнью Петрарка является пророком индивидуализма, и едва ли мы ошибемся, если будем искать уже в нем начало той свободы личности, которая гораздо позднее была сформулирована в словах: «Свобода каждого человека кончается там, где начинается свобода другого». Но вместе с познанием прав индивидуализма и стремлением к нему Петрарка увидел, что вся жизнь людей есть непрерывная борьба не только с природой и другими тварями, но и друг с другом, и даже в каждом отдельном индивидууме замечается вечная борьба с самим собой, и это сознание вызвало в Петрарке то мрачное, болезненное душевное состояние, которое как у него, так и в позднейшие времена носило название *мировой скорби.*

В Боккаччо Петрарка нашел преданного друга, последователя и энергичного помощника. Большая часть идей Петрарки была усвоена Боккаччо, и он пропагандировал их как достойный ученик своего учителя. Но нельзя не заметить, что лишь немногие из них развил он более подробно и самостоятельно. При этом, однако, у него бывали и такие моменты, когда он признавал даже астрологию за несомненно верную науку, полагая, что лишь несовершенство человеческого ума не дает нам возможности понять законы влияния сочетания звезд на судьбу человека. В отношениях к древним между ним и Петраркой была тоже разница. Петрарка, при всем благоговении перед древними мудрецами, нередко относился критически к их взглядам; для Боккаччо же они почти всегда и все были незыблемыми авторитетами.

Во время своих путешествий Боккаччо посещал ученых, разные памятники, монастыри и библиотеки и собрал на свои средства массу редких и драгоценных рукописей. Кроме этого, он сделал много списков собственноручно с удивительной каллиграфической тщательностью и украшенных теми пестрыми и рельефными рисунками из сусального золота, за которые

библиофилы наших дней не щадят никаких денег. Не надо забывать, что это было в те времена, когда книгопечатания еще не существовало и хорошие переписчики встречались так же редко, как и хорошие рукописи. В изучении греческого языка Боккаччо далеко превзошел Петрарку и мог гордиться тем, что он первый из итальянцев прочел Гомера в подлиннике.

Но его заслуги для родного итальянского языка были еще важнее. То же, что сделали Данте и Петрарка для итальянской поэзии, сделал Боккаччо для итальянской прозы своими художественными рассказами.

Наибольший успех выпал на долю его ста новелл, собранных под общим названием «Decamerone». Название это взято с греческого и означает «десятидневник» (от ***(греч.) – десять и ***(греч.) – день).

В «Декамероне» сначала описывается свирепствовавшая в Италии в 1348 году чума. Флоренция подверглась опустошению больше, чем какой-либо другой город. Улицы и площади были пустынны, дома заколочены, храмы почти покинуты. В это-то время на паперти церкви Санта-Мария-Новелла встретились семь молодых дам, принадлежавших к высшему классу общества, красивых, умных. Во время разговора о печальном положении, в котором находились город и жители, одна из них предложила, чтоб рассеять их общее мрачное настроение и избежать заразы, удалиться на несколько дней на дачу в прекрасные окрестности Флоренции, где они найдут и лучший воздух, и будут только в своем, избранном обществе. Но так как они не могли отправиться одни, без мужчин, то к ним присоединились три молодых человека, состоявших с одними из них в родственных, с другими в любовных отношениях. На другое же утро эта веселая компания отправляется в отстоящую в двух милях от Флоренции богатую виллу, окруженную роскошными садами. Там они ведут веселый образ жизни, гуляют, играют, поют и танцуют, а чтоб чем-нибудь пополнить свободное время, придумывают особое развлечение: каждый должен рассказать какую-нибудь занимательную новеллу. Для соблюдения порядка выбирают ежедневно короля и королеву, распоряжающихся всеми занятиями и развлечениями и назначающих общий характер рассказов на каждый день[1]. Общество состояло из десяти человек, – следовательно, ежедневно рассказывалось десять рассказов, а так как рассказы продолжались в течение десяти дней, то и составилось ровно сто новелл.

В действительности «Декамерон» был написан Боккаччо в течение нескольких лет.

Слава, которую это произведение доставило своему автору,

была громадна. Все, сколько было тогда в Италии ученых и знатоков, единогласно объявили, что гений итальянской прозы собрал в этой книге все сокровища языка, доведенного до величайшей чистоты и красоты. Восхищались и восхищаются не только содержанием и изложением самих новелл, но и той чудной рамкой, в которую они оправлены и которая, связывая их в одно целое, состоит из поэтических, художественных описаний природы и живых, занимательных диалогов между рассказчиками.

Но вместе со славой книга принесла и немало неприятностей своему автору, потому что на нее восстало тогдашнее духовенство, пороки которого осмеиваются в «Декамероне» самым беспощадным образом. Книга была объявлена безнравственной и считается таковой отчасти и поныне. Правда, в ней есть несколько рассказов и несколько выражений довольно фривольного характера; но надо заметить, что в этом отношении современная патолого-психиатрическая беллетристика ушла уже так далеко, что рассказы Боккаччо кажутся перед ней детски наивными. Притом нельзя же считать рассказы Боккаччо написанными только для праздного развлечения, как думали многие противники «Декамерона». Таких рассказов очень мало, а скабрезному элементу отведено в «Декамероне» не больше места, чем встречалось его в жизни при тогдашних нравах и сколько нужно было для нравоучительных целей автора. Из ста новелл двадцать пять или тридцать носят этот отпечаток в большей или меньшей степени, остальные касаются совсем других предметов. Зато по всей книге проходит яркой нитью свободное критическое отношение к человеческим слабостям и предрассудкам, насмешка бичует пороки и всякое насилие, а благородные стороны человеческой души выставляются побеждающими всевозможные препятствия. Боккаччо осмеивает лицемерие духовенства, склонного, как и все люди, к слабостям и порокам; рисует и смешные, и вредные стороны корыстолюбия, скупости, ревности; клеймит жестокость, суеверия, сословные предрассудки, нерадивость судей; с другой стороны – преданная дружба и преданная любовь, щедрость, веротерпимость, ум, остроумие, веселость находят в нем горячего поклонника. Сила любви является у него всемогущим орудием, совершающим чудеса: в рассказе о Кимоне и Ифигении звероподобный идиот, влюбившись в молодую девушку, делается человеком и, желая понравиться своей возлюбленной, совершенствуется настолько, что превосходит всех окружающих своими умственными и нравственными качествами. Для Боккаччо человек и его душевные свойства везде и всегда гораздо важнее положения

этого человека. «Я скорее предпочитаю человека, нуждающегося в богатстве, – говорит у него богатая невеста о бедном женихе, – нежели богатство, нуждающееся в человеке». В знаменитом рассказе «Гризельда» дочь бедного крестьянина, сделавшись маркизой, является достойной этого нового положения и образцом нравственного совершенства, хотя надо заметить, что здесь взгляд Боккаччо на добродетельную покорность несколько односторонен.

«Декамерон», будучи в известной степени сатирическим произведением, замечателен тем, что здесь сатира нигде не является гневной, негодующей. Хотя права женщин и находят в Боккаччо защитника, но он не упускает случая выставить напоказ также и женское лукавство и малодушие. В отношении автора к его героям всегда как будто проглядывает мысль: если бы старость помнила, что и она была когда-то молода, она была бы снисходительнее ко многим грехам юности.

Неприязнь старости к грехам юности сказалась, впрочем, и в самом Боккаччо, когда он, состарившись, напуганный монахами, иногда раскаивался в том, что написал «Декамерон», и оправдывался тем, что «он должен был сделать это лишь по желанию, выраженному лицом, стоящим выше его, и которому он не мог не повиноваться». Здесь нужно разуметь, вероятно, королеву неаполитанскую Иоанну. Но, разумеется, такой ссылке Боккаччо на подневольное будто бы исполнение им этого труда нельзя придавать большого значения; хотя бы и по желанию королевы, он, во всяком случае, охотно взялся за это дело и выполнил его с любовью. Нам может казаться теперь странным, что подобное произведение могло быть вызвано и одобрено принцессой, что в нем молодые и образованные дамы не только слушают, но и сами рассказывают вещи, мало подходящие современным понятиям о приличном и неприличном, и что, наконец, все произведение Боккаччо посвятил именно «дамам». Но мы найдем оправдание этому во флорентийских нравах того времени, а нравы эти объясняются, в свою очередь, влиянием опустошавшей Флоренцию чумы, и Боккаччо недаром начинает свой «Декамерон» с описания этой ужасной болезни. Описание это, в котором Боккаччо отчасти подражает Фукидиду, одно из замечательнейших литературных произведений. В нем Боккаччо не только поэт, но и историк, и философ. Признавая, подобно древним, родиной чумы восток, откуда она была занесена во Флоренцию, он много распространяется о симптомах болезни, о ее заразительности, и вот что говорит он о панике, сопровождавшей ее, и о влиянии ее на нравы общества:

«Некоторые, полагая, что умеренность и воздержание во всем

будут лучшими предохранительными мерами, удалялись от общества, жили одиноко или в ограниченном кругу, в домах, где не было ни одного больного, питались лишь изысканными кушаньями и пили лучшие вина в умеренном количестве, избегали всякого рода излишеств, ни сами не говорили и никому не позволяли говорить ни о смерти, ни о болезни и проводили время в слушании музыки и в других спокойных удовольствиях, которые могли себе доставить. Другие, напротив, считали несомненным, что лучшее средство против такой болезни – пить много, пользоваться всеми мерами жизнью, постоянно петь и веселиться, удовлетворять, насколько возможно, все свои фантазии и, что бы ни случилось, быть веселым и над всем смеяться. Они и жили сообразно с этой системой: проводили дни и ночи в шатанье из таверны в таверну и пили без конца и меры. То же, и еще охотнее, делали они в домах своих знакомых, если находили там что-либо доставляющее им удовольствие; это было тем легче, что каждый, как будто не надеясь более жить, не заботился ни о том, что ему принадлежало, ни о самом себе. Большая часть домов сделалась общими, чужой человек входил в них и пользовался всем, как хозяин. Избегали только встреч с больными.

Среди чрезмерного бедствия и скорби, в которые был повержен город, уважение к авторитету законов божеских и человеческих пало и как бы совсем исчезло; их представители и исполнители, как и прочие люди, были все или мертвы, или больны, или остались настолько одиноки, что не могли выполнять своего назначения; так что каждый мог позволить себе все, что ему вздумается. Некоторые же, будучи противниками всех этих излишеств, ни в чем не изменяли своего образа жизни, кроме лишь того, что в руках у них можно было видеть или цветы, или душистые травы, или какие-либо иные благовония, которые они вдыхали как лучшее средство для укрепления органов и предотвращения заразы, ибо, казалось, весь воздух был отравлен смрадом трупов, больных и лекарств. А некоторые другие были мнения хотя более жестокого, но зато, быть может, более верного: они говорили, что ничто так не помогает от чумы, как бегство от нее. Под влиянием этих взглядов множество мужчин и женщин, не думая ни о чем больше, как о самих себе, бросили свой родной город, свои дома, имущество, родных, дела и удалились в окрестности. Многие действительно избегли заразы; но многие были все-таки поражены ею и там, и тогда примеру, который они сами подали, будучи здоровыми, следовали и другие здоровые, оставляя их в свою очередь без внимания. Такое оставление друг друга было общим. Граждане

избегали встреч: почти ни один сосед не заботился о своем соседе; родные перестали посещать друг друга и виделись лишь изредка и издали. Паника доходила до того, что брат или сестра оставляли брата, дядя – племянника, муж – жену и, что еще важнее, отцы и матери боялись посещать и лечить своих детей, которые становились для них как бы чужими. Больные, масса которых была неисчислима, не получали, таким образом, помощи ни от кого, кроме небольшого круга преданных друзей или от прислуги, ухаживавшей из жадности, в надежде на большое вознаграждение. Но и эти прислужники были редки и все – люди крайне ограниченные, малопригодные для таких услуг и способные лишь на то, чтоб подать больным, что им потребуется, или убедиться в наступившей наконец смерти; да и они часто при этом ухаживании погибали сами, лишаясь, таким образом, и того, что они заработали. От этого оставления друг друга соседями, родными, друзьями и от редкости прислуги явился неслыханный дотоле обычай, что ни какая женщина, как бы она ни была красива, молода и какого бы ни была происхождения, не задумывалась при заболевании принять услуги мужчины, безразлично – молодого или старого, и раздеться перед ним без стыда, как бы она сделала это пред женщиной, если болезнь ее этого требовала. Следствием этого было то, что у выздоровевших сохранилось меньше целомудрия и несомненно меньше стыдливости. От этих и от других причин появились между теми, кто остался в живых, привычки, совсем противоположные прежним нравам флорентийцев».

Далее Боккаччо описывает, как отразилось это народное бедствие на обрядах похорон: за весьма редкими исключениями, ни родственники, ни друзья покойников не сопровождали их гробов на кладбище; за недостатком гробов случалось, что клали в один гроб по два и по три человека; священники наскоро читали похоронную молитву над несколькими гробами сразу; присутствующие при погребении старались быть веселыми, чтоб этим предохранить себя от заразы. Таким образом, развилось полное равнодушие к жизни и смерти человека. Смертность была так велика, что в одной Флоренции в течение четырех или пяти месяцев погибло более ста тысяч человек. Положение окрестных местностей было не лучше.

«О, сколько огромных дворцов, – восклицает Боккаччо, заканчивая эту мрачную картину, – сколько красивых домов, благородных жилищ, в которых пред этим обитали многочисленные семейства, остались теперь без хозяев и слуг! О, сколько славных родов, сколько богатых наследств, сколько огромных сокровищ остались без наследников! Сколько

достойных людей, красивых женщин и любезных юношей, которых Галлиен, Иппократ и сам Эскулап признали бы в самом цветущем состоянии здоровья, обедали сегодня в кругу своих родных, друзей и знакомых, а на другой день ужинали уже в другом мире вместе со своими предками!»

Замечательно, что Фукидид в своем описании чумы в Афинах, указывает на такой же точно упадок нравов и в те времена, только с разницей в обычаях и в верованиях древних афинян.

Начав «Декамерон» описанием флорентийской чумы и заканчивая его в последний, десятый, день исключительно нравственными и нравоучительными рассказами, из которых последний – о добродетельной Гризельде, Боккаччо этим как бы подстраховал себя от нападок со стороны слишком суровых читателей, могущих упрекнуть его в излишней вольности содержания других новелл.

Не все новеллы «Декамерона» составляют плод свободного творчества Боккаччо; многие из них заимствованы им из рассказов восточных, народных, французских и других, и впоследствии появились целые исследования об источниках «Декамерона»; но даже и эти заимствованные рассказы обработаны им настолько самостоятельно и облечены в такую форму, что их нельзя не считать его неотъемлемой собственностью.

«Декамерон» сделался, в свою очередь, источником, из которого черпали многие позднейшие писатели разных национальностей и в особенности Мольер («Школа мужей», «Жорж Данден» взяты целиком из «Декамерона»). Явились даже подражания самой форме.

Если большая часть тогдашнего распущенного католического духовенства, осмеянного в «Декамероне», нападала на книгу Боккаччо, то, с другой стороны, в той же самой среде духовенства находились и тогда, и позднее люди, достойные всякого уважения, которые защищали «Декамерон», доказывая, что от самих монахов зависит сделать все написанное про них в «Декамероне» клеветой: стоит только вести такую жизнь, какая подобает их сану. Ведь все позднейшее движение Реформации было вызвано распущенными нравами католического духовенства. Одним из самых смелых апологетов «Декамерона» был монсиньор Боттари, ученый прелат, читавший в академии в Круске лекции в защиту рассказов, в которых Боккаччо нападал на духовенство, на его шарлатанство и распущенность.

Невзирая на всякие нападки, «Декамерон», выпущенный автором в свет около 1353 года, распространился свободно по

всей Италии в бесчисленном множестве копий и нашел место во всех библиотеках. С изобретением книгопечатания он появился в нескольких изданиях. Но, по мере увеличения числа изданий, он стал благодаря стараниям монахов подвергаться сокращениям и искажениям. Когда же возбужденные проповедями Савонаролы флорентийцы в 1497 году сжигали на кострах предметы роскоши и искусства, погибла и большая часть книг и списков «Декамерона», и теперь первоначальные издания его чрезвычайно редки.

Но власти никогда не препятствовали печатанию «Декамерона». Папы сменялись один за другим и ни один из них не запрещал ни издавать, ни читать эту книгу. Однако издание за изданием появлялось все в более и более искаженном виде. Не раз собирались ученые комиссии для исправления «Декамерона»; лучшее издание его было сделано в 1573 году. Были также попытки очистить его от скабрезных слов и подробностей, но они ни к чему не привели, и «Декамерон», конечно, никогда не будет книгой для молодых девиц. «Но в тот возраст, когда все позволено читать, – говорит Ginguené,– „Декамерон“ может сделаться одной из любимых книг, полезной для изучения языка, для ознакомления с нравами известного века и с людьми всех веков».

«Декамерон» давно переведен почти на все европейские языки, а в настоящее время выпущен, наконец, и у нас полный его перевод под редакцией профессора А. Н. Веселовского.

Глава I. Детство и юность Боккаччо

Родина и родители Боккаччо. – Отношения между отцом и сыном. – Впечатления детства. – Воспитание. – Отец отдает Боккаччо в купеческую контору. – Врожденное влечение к поэзии. – Странствование Боккаччо в качестве купеческого приказчика. – Боккаччо оставляет свое место в конторе и занимается каноническим правом.

Боккаччо родился в 1313 году, но где именно, – в точности не известно. К его имени – Джованни Боккаччо – прибавляют обыкновенно прозвание да Чертальдо (Certaldo) по названию того местечка близ Флоренции, откуда были родом его предки и где он сам провел часть жизни, где он умер и похоронен.

Его дед и прадед были простые земледельцы и виноделы в Чертальдо, но, по-видимому, весьма зажиточные. Плоды трудов своих они сбывали во Флоренцию. Отец Боккаччо, не оставляя земельных участков в Чертальдо, сделался уже настоящим флорентийским купцом и, очевидно, пользовался у своих новых сограждан уважением, потому что его, несмотря на то, что он являлся, некоторым образом, пришельцем, неоднократно избирали членом разных советов и комиссий по общественным делам. В это время у него уже и во Флоренции был свой дом и свои участки земли.

Достоверно известно, что отец Боккаччо был женат дважды, но различные биографы приводят весьма сложные и запутанные доказательства того, что Джованни родился в Париже от француженки, с которой отец Боккаччо, находившийся там в 1313 году по делам, имел тайную связь. Покинутая им, она будто бы вскоре умерла, а сын Джованни был увезен отцом в Чертальдо. Сторонники этого взгляда на происхождение Боккаччо хотят видеть в одном из его произведений («Ameto») замаскированные намеки, подтверждающие такое предположение. Но этому противоречит многое другое и более всего то, что нет основательных данных, подтверждающих формальное усыновление Джованни его отцом, а флорентийцы, признававшие Джованни Боккаччо полноправным гражданином и дававшие ему дипломатические поручения к высоким особам и даже к папе, едва ли сделали бы это, если бы он был незаконнорожденным.

Хотя примесь французской крови и незаконнорожденность могли бы служить объяснению некоторых взглядов и черт характера Боккаччо, тем не менее, по мнению позднейших его биографов, следует предполагать, что мать его была законной женой его отца, жила в Чертальдо или во Флоренции и умерла,

когда Джованни был еще ребенком, не оставив никакого следа ни в биографиях Боккаччо, ни в его собственных сочинениях. Но только это была не одна из двух известных биографам жен старого Боккаччо, а третья, или, точнее, первая из трех, оставшаяся неизвестной, что, собственно, и послужило основанием к рассказу о рождении Джованни Боккаччо в Париже от неизвестной француженки. Из двух же известных жен его отца биографы не считают первую, Маргариту, матерью Джованни, потому что Боккаччо, вероятно, не раз упомянул бы о ней как о матери в своих творениях, а этого нет, хотя ему было уже 27 лет, когда она умерла, и отец его женился, спустя некоторое время, на другой, Биче, от которой родился сын Якопо.

Таким образом, остается невыясненным, кто был матерью Боккаччо и где он родился: в Париже, в Чертальдо или во Флоренции. Отец Боккаччо рисуется биографами как почтенный купец, весьма умный, трудолюбивый, энергичный и предприимчивый, но купец до мозга костей, видевший в стяжании высшую цель жизни. Умственных интересов для него не существовало, и если он допускал образование, то лишь как средство для более успешного добывания денег. В то время во Флоренции купечество играло главную роль, богатство вело к почестям, и честолюбие старого Боккаччо было направлено к тому, чтоб, нажив большие деньги, занять видное место в ряду знатных флорентийских негоциантов. Всеми силами души стремился он к этой цели, ведя строгий, рабочий образ жизни и требуя того же и от своих домашних. Бережливость переходила у него в скупость. Жизнь в доме старого Боккаччо, конечно, не была радостной; неприветливым холодом и суровостью веяло под этой кровлей, в особенности на такую поэтическую и одаренную богатой фантазией натуру, как Джованни. Идеальные порывы сына, разумеется, встречали противодействие у его деловитого отца, смотревшего на жизнь трезвыми глазами практического человека. Характеры совершенно противоположные, они не в состоянии были ценить взаимных достоинств и становились все более и более чуждыми друг другу. А так как в обострившихся отношениях между отцом и сыном нигде не заметно умиротворяющего, женского влияния супруги и матери, то с годами затаенное подавленное недовольство сына переходит в настоящую ненависть к гнету отцовского ярма. Дом отца представляется для молодого Джованни мрачной тюрьмой, в которую он, раз вкусив свободной жизни, уже неохотно возвращается.

Эта ненависть к домашнему гнету, к скупости и суровости его отца прорывается у Боккаччо яркими и, быть может, слишком

резкими картинами в его произведениях. В одной из песен, «Amorosa Visione» [2], он описывает, как ему видится «в толпе жадных искателей, барахтающихся на горе золота, человек с острыми ногтями, старающийся нагрести как можно больше золотых монет, но успевающий захватить лишь очень немного и держащий это немногое так судорожно крепко в своем кошельке, что не только другим, но и ему самому нет от этого никакой пользы». Поэт подходит ближе и узнает в этом жадном скупце того, кого он называл и называет еще своим отцом и кто благосклонно воспитывал его как сына.

Еще более яркое, поразительное место встречается в заключительной песне поэмы «Ameto». Здесь поэт жалуется на то, что должен покинуть тот прекрасный мир привета и милой любезности, благороднейшего сообщества и богатой умственной деятельности, в котором он прожил с Амето, и снова вернуться туда, где царствует вечное недовольство и мрачное настроение. «Там никогда не смеются или, по крайней мере, очень редко. Печальный и тихий, мрачный дом принимает меня в свои недра против моего желания и держит в заключении там, где противный и отталкивающий вид бессердечного, грубого и жадного старика все более и более удручает меня скорбью, так что когда, однажды уже увидав дневной свет, снова возвращаешься к такому существованию, то испытанное пред этим светлое удовольствие превращается в горькое разочарование».

Вот те впечатления, какие вынес Боккаччо из своего детства и юности за время пребывания в родительском доме, и то настроение, в котором он был при возвращении во Флоренцию или Чертальдо из своей первой поездки в Неаполь.

Когда Джованни было семь лет, отец отдал его в латинскую школу грамматика (как назывались тогдашние учителя) Джованни да Страда, отца известного впоследствии поэта Цаноби да Страда. Здесь, под руководством почтенного учителя, Боккаччо получил, вероятно, довольно порядочное по тогдашнему времени образование, давшее ему впоследствии возможность продолжать свои занятия гуманитарными науками. Однако курса в этой школе он не кончил. Отец не имел в виду сделать из него ученого, а предназначал к торговой деятельности. Поэтому он перевел его сначала на короткое время в торговую школу, а затем отдал для изучения торговли в контору одного купца. С этого времени начинается для мальчика ряд постоянных душевных страданий. Одержимый пылкой фантазией, с поэтическими наклонностями, с жаждой творческой, художественной деятельности, он должен был заниматься скучными коммерческими вычислениями и разного рода конторскими

работами. Стряхнуть же с себя это ярмо для него пока еще не представлялось возможности.

Свое непреодолимое стремление сделаться поэтом или, лучше сказать, *проявить* присущий ему сильный талант, всего лучше характеризует сам Боккаччо в одном из своих произведений («Genealogia deorum» [3], lib. XV, c. 10), где он говорит следующее:

«Как подтвердил впоследствии опыт, я с самого рождения создан природой с поэтическими наклонностями и, по моему мнению, для этого и родился на свет. Я хорошо помню, что отец с детства моего испробовал все возможное, чтоб сделать из меня купца, и, не достигнув еще юношеского возраста, но уже обученный счетоводству, я был отдан им в ученики к одному весьма значительному негоцианту, у которого я провел шесть лет не в чем ином, как в расточении невозвратимого драгоценного времени. Так как некоторые признаки указывали на то, что я мог бы быть более способен к научным занятиям, то отец мой – желая все-таки, чтоб приобретенные знания послужили в будущем источником богатства – приказал мне заняться изучением собрания папских законов, и я, под руководством весьма знаменитого учителя, бесплодно провел за этим занятием приблизительно столько же времени. Как к торговле, так и к изучению прав я чувствовал такое отвращение, что ни ученость моего преподавателя, ни авторитет моего отца, мучившего меня постоянными увещаниями, ни просьбы и упреки друзей не могли поселить во мне расположения к тому или другому из двух этих занятий: так сильно влекла меня моя склонность к стихотворству. И не вследствие какого-нибудь случайного решения обратился я к поэзии, а, напротив, влекло меня к ней прирожденное стремление, ибо я хорошо помню, что, еще не имея и семи лет от роду и не слушав еще никаких учителей, а едва лишь усвоив первоначальные элементы знания, я уже был побуждаем природой к поэтическому творчеству и сочинял небольшие стихотворения, которые, правда, не имели никакого значения, потому что в этом нежном возрасте умственные силы еще непригодны для такой работы. Между тем когда я подрос и стал почти самостоятельным, то – хотя никто меня к этому не побуждал, никто не учил, а, напротив, отец мой противился и такие занятия мои проклинал – мой дух как бы инстинктивно устремился к тому немногому, что я знал в поэзии, и я отдался ей с величайшим увлечением, рассматривал и читал с необычайной радостью создания творцов ее и старался, насколько мог, понимать их. И что удивительно, что когда я еще и не знал из скольких и каких стоп состоит стих, меня, как я этому ни

противился, все знакомые звали „поэтом“, хотя я и теперь не поэт. Но я не сомневаюсь, что я сделался бы знаменитым поэтом, если б мой отец посмотрел на это спокойно и здраво, пока еще мой возраст благоприятствовал этому. Но так как он пробовал принудить меня обратить мой талант сначала на доходную торговлю, а потом на доходную ученость, то случилось так, что я, не сделавшись ни купцом, ни знатоком церковного права, потерял наконец и способность сделаться выдающимся поэтом. О других же ученых занятиях, которые хотя и нравились мне, но все-таки не особенно привлекали, я заботился мало. Я, однако, принимался за изучение богословских книг, но, ввиду моего уже зрелого возраста и малого расположения к этому занятию, оставил их, полагая, что достойно порицания, если старик принимается за новые, так сказать, элементарные занятия, и находя, что для каждого всего менее пристойно браться за то, чего, как он сам это сознает, он не в состоянии довести до конца. И так как я думаю, что я, по Божию соизволению, призван быть поэтом, то и намерен оставаться им».

Но высказываемая здесь Боккаччо жалоба, что ему не удалось сделаться выдающимся поэтом, не совсем справедлива. Очевидно, он хотел бы стать на одной высоте с Данте и Петраркой, но судьба назначила ему несколько иное поприще. Быть может, стремясь сделаться поэтом в том роде, которому обязаны своей славой Данте и Петрарка, Боккаччо и не достиг бы той высоты, какой он достиг как прозаик, как рассказчик. При более систематическом образовании он легко мог отдаться писанию никому не нужных стихов на латинском языке, как это было с Петраркой в позднейший период его поэтической деятельности. Напротив, тот образ жизни, который Боккаччо должен был вести в молодости, и его странствования из города в город в качестве купеческого приказчика дали ему возможность лично познакомиться со многими местностями и в Италии, и за пределами ее; частые встречи с людьми самых разнообразных положений и при весьма различных обстоятельствах открывали ему широкое поле наблюдения людских характеров, свойств и слабостей. Весьма вероятно, что именно во время этих странствований ему пришлось услышать фабулы значительной части рассказов «Декамерона», которые он затем украсил еще цветами своей фантазии, а в некоторых из этих рассказов описаны приключения, бывшие с ним самим.

По мнению первоначальных биографов, Боккаччо во время своего пребывания в конторе купца попал даже по торговым поручениям в Париж и прожил там довольно долго, что дало ему возможность ознакомиться и с французским языком, и с

французскими нравами. Позднейшие биографы, однако, приводят несколько доказательств, опровергающих возможность такого пребывания в Париже, и вопрос этот остается нерешенным.

Однако как ни были интересны для молодого купеческого ученика эти путешествия, Боккаччо не мог примириться и освоиться с торговой деятельностью, и отец, вероятно, убедившись в бесполезности дальнейшего принуждения его к занятию торговлей, взял его от купца, который, конечно, тоже тяготился неисправным учеником.

Но, как человек практический и стремящийся к достижению богатства, старик Боккаччо желал, чтоб сын его избрал во всяком случае прибыльный род деятельности, и заставил Джованни заняться изучением канонического права, потому что эти знания открывали в то время путь к почетным и выгодным местам.

Сначала этот переход, быть может, и понравился Джованни, но так как строго логические, сухие, не дающие материала для фантазии юридические науки никогда не могли удовлетворить поэта, то Боккаччо, конечно, очень скоро начал тяготиться и этого рода занятиями. Однако по воле его отца они продолжались около шести лет. Где именно занимался Боккаччо этими науками, в точности не определено. По одним данным, есть основание думать, что в Болонском университете, по другим – в Париже, но самое вероятное допустить, что он учился в Неаполитанском университете.

Так как все сведения о детстве и юности Боккаччо довольно запутаны, то трудно установить хронологический порядок событий. Для этого за исходный пункт следует принять встречу его в Неаполе с Фьяметтой, о которой мы будем говорить впоследствии; встреча эта определяется более или менее точно по данным, рассеянным в разных произведениях Боккаччо, а произошла она, когда Боккаччо жил в Неаполе уже более семи лет. Таким образом, мы можем установить следующие даты: Боккаччо родился в 1313 году; в 1320 году он поступил в школу грамматика Джованни да Страда, откуда около 1324 года перешел в коммерческую школу, а в 1326 году поступил в купеческую контору. В 1330 году он, вероятно по делам своего хозяина, переселяется в Неаполь, где в 1332 году оставляет торговую деятельность и занимается изучением канонического права; в апреле 1338 года ой в церкви Св. Лаврентия (Lorenzo) встречает в первый раз Фьяметту и вскоре затем прекращает свои научные занятия.

Детство и юность Боккаччо прошли, как мы видим, под давлением воли сурового отца, и это отразилось до некоторой степени не только на его взглядах, на его произведениях, но и на

его характере. Нередко у него проявлялись слишком большая робость, недоверие к себе, к своим силам и своему таланту; он слишком унижал свои достоинства сравнительно с людьми, стоявшими даже ниже его, не говоря уже о его благоговейном поклонении Петрарке. Рядом с этим у него проявлялась чрезмерная обидчивость даже по ничтожным причинам и выражалась иногда в крайне резкой форме. Это не был характер мужественный, а скорее пассивный, женственный, всегда искавший опору в ком-нибудь выше и сильнее себя и потому так сильно поддававшийся влиянию Петрарки. Это могло быть и врожденное свойство характера, но, несомненно, оно усилилось под влиянием того гнета и нравственных испытаний, которые достались на долю Боккаччо в наиболее впечатлительные годы.

С переездом в Неаполь он, конечно, вступает на более самостоятельный путь, и мы теперь перейдем к этому периоду его жизни.

Глава II. В Неаполе

Тогдашнее значение Неаполя среди других итальянских городов. – Двор короля Роберта. – Влияние на Боккаччо топографических условий Неаполя. – Знакомство его с придворными кружками. – Политическое значение короля Роберта. – Принцесса Иоанна. – Смерть Роберта. – Распущенность нравов при дворе королевы Иоанны. – Убийство принца Андрея. – Нашествие венгров. – Бегство королевы Иоанны и мужа ее Людвига из Неаполя. – Возвращение их. – Мир с венгерским королем. – Николай Аччьяйоли и его политическое значение. – Знакомство Боккаччо с Аччьяйоли, открывающее ему доступ в высшие слои общества. – Образ жизни Боккаччо в Неаполе и его занятия литературные и научные.

Неаполь занимал в то время выдающееся место среди городов Италии и был как в политическом, так и в культурном отношении руководящим центром. Милан и Флоренция были заняты внутренней борьбой партий; Генуя и Венеция оспаривали друг у друга первенство в мировой торговле и были всецело поглощены этой борьбой; Пиза, Болонья, Сиена и другие города стояли вообще на втором плане, а Рим, оставленный папами для Авиньона, спал тихим сном, грезя прошлым величием, и был всего менее в это время способен к главенству. Вся Италия пребывала тогда в периоде брожения и некоторого хаоса, и только в Неаполе более или менее твердо установилось правительство: там находился двор короля Роберта (из Анжуйской династии), единственный королевский двор во всей Италии и притом сделавшийся благодаря личным качествам короля Роберта сборным пунктом выдающихся людей и рассадником утонченных форм общественных отношений.

Король Роберт был одним из первых царственных меценатов, сам лично занимавшийся поэзией и науками, и в особенности поощрявший ученых и поэтов. Он торжественно короновал лавровым венком Петрарку и дал ему титул поэта, за что, конечно, и сам был прославляем Петраркой, а позднее и Боккаччо.

Общество, которое группировалось тогда вокруг короля Роберта и около Неаполя вообще, состояло из самых разнообразных и иногда противоположных элементов. Здесь перекрещивались, иногда смешиваясь, сливаясь, иногда сменяя друг друга, разные культурные течения: и греческое, и римское, и византийское, норманнское, мавританское, провансальское,

французское и североитальянское. Такое смешение не представляло, конечно, прочного фундамента для развития возникавшего движения эпохи Возрождения, и поэтому Неаполь хотя и играет в этом движении почетную роль, но не столь важную, как можно было бы ожидать, и скоро должен был уступить свое право на умственную гегемонию другим.

Тем не менее во время царствования короля Роберта и его ближайших преемников эта мозаика разнородных культурных форм держалась еще довольно прочно и своим внешним блеском производила неотразимое впечатление на всякого свежего человека. Поэтому понятно, какое влияние могло оказать на поэтическую натуру Боккаччо пребывание в этом своеобразном обществе. Уже одно сравнение Флоренции с Неаполем должно было заставить его встрепенуться и открыть простор его фантазии. Флоренция – в то время серьезный, почти суровый, тихий город, окруженный крепостными стенами, лежащий хотя и в красивой местности, но почти на севере Италии, на берегу скромной речки, – должна была показаться Боккаччо чуть ли не темницей сравнительно с шумным, живым, поющим и смеющимся Неаполем, раскинутым просторно по берегу гордого, волнующегося моря, среди природы, напоминающей уже Африку и тропики. И тут же, в Неаполе, столько памятников, заставляющих вспомнить о римской поэзии и древнем, похороненном под развалинами, римском мире. Тут, тотчас за воротами города, гробница Вергилия; далее – та знаменитая пещера, через которую, как гласит предание, Эней спускался в царство теней; потом прелестные Байии, чудные развалины которых говорят о их прежнем значении в жизни римской аристократии; наконец, скалы Капреи, где каждый шаг напоминает о мрачном тиране Тиверии, жившем здесь, вдали от целого мира, лишь в кругу своих паразитов и гетер. Множество других более или менее значительных памятников возбуждают здесь фантазию не только поэта, но и простого смертного. Поэтому указания некоторых биографов на то, что Боккаччо почувствовал свое поэтическое призвание в первый раз, стоя у гробницы Вергилия, быть может не лишено основания, хотя, как мы видели из его собственного признания, он уже писал стихи, будучи только семи лет от роду. Конечно, если б Боккаччо и никогда не попал в Неаполь, он все равно сделался бы поэтом, потому что был рожден им; но несомненно, что пребывание в Неаполе укрепило в нем решимость идти по этому пути.

Весьма важным обстоятельством для дальнейшего развития Боккаччо было то, что ему представилась в Неаполе возможность попасть в придворные кружки и таким образом расширить поле

своих наблюдений. Хотя это пребывание в довольно испорченной нравственной атмосфере имело и свои дурные стороны, но у Боккаччо развращенность среды только как бы чуть коснулась внешнего: зараза не пустила корней вглубь. На то он и был настоящий поэт, избранная натура, отмеченная самой природой, чтобы не слиться с толпой авантюристов, которые окружали блестящий по виду, но глубоко развращенный неаполитанский двор, и для которых в их стремлениях к достижению своих честолюбивых целей все средства были хороши: и предательство, и клятвопреступление, и тайное, продажное убийство, и грабеж, и отравление, и все возможные и невозможные пороки чувственности. Зато пребывание среди этих придворных дало Боккаччо возможность выводить в своих произведениях людей из всех классов на основании личных и всесторонних наблюдений. И здесь кстати будет заметить, что хотя в той раме, которая окружает сто новелл «Декамерона», участвующие лица – жители Флоренции, но в их разговорах и действиях отражается гораздо больше та жизнь высших классов, с которой Боккаччо познакомился в Неаполе, чем нравы флорентийского общества.

Для лучшего уразумения последующих событий в жизни Боккаччо скажем теперь несколько слов о тех событиях политических, среди которых прошла его жизнь в Неаполе, как во время первого пребывания там, так и позднее.

Когда Боккаччо приехал в первый раз в Неаполь (1330 г.), король Роберт царствовал там уже с 1309 года. Это был внук Карла I Валуа, графа Анжуйского, отнявшего Неаполь у Гогенштауфенов. Все царствование Роберта было блестящим, он был признан главой гвельфов в Италии, и его влиянию подчинялся почти весь полуостров и даже такие города, как Рим, Флоренция, Генуя, Милан, прислушивались к его властному слову. Но, кроме выдающихся качеств полководца и государственного человека, он, как мы видели, отличался и любовью к наукам и искусствам. Он стремился укрепить анжуйскую династию в Неаполе не только силой, но и привлечением любви народной к царствующему дому. И похвалы, которые ему расточали придворные поэты, с Петраркой во главе, основаны не на одной лишь лести, а и на действительных заслугах короля. Хотя, с другой стороны, его упрекали в жадности и скупости, но здесь надо принять во внимание, что у королей даже благоразумная расчетливость нередко принимается их приближенными за скупость и подвергается порицанию и нападкам.

Король Роберт взошел на неаполитанский престол не по праву первородства, – это право принадлежало, скорее, его

племяннику, сыну Карла Мартелла, сделавшемуся позднее королем венгерским под именем Карла Роберта, – а потому, что за него стоял папа, решивший дело в его пользу. Это обстоятельство имело огромное влияние на дальнейшую судьбу династии. Единственный сын и наследник его умер еще при жизни самого Роберта, в 1328 году. Желая передать престол своей внучке Иоанне (род. в 1326 г.) и в то же время оградить королевство от притязаний со стороны потомков своего брата Карла Мартелла, король Роберт обручил в 1333 году малолетнюю Иоанну с малолетним же принцем Андреем, сыном венгерского короля Карла Роберта. Когда обрученные достигли надлежащего возраста, они были обвенчаны, а в 1343 году, после смерти короля Роберта, Иоанна взошла на престол, и с этих пор для Неаполя наступает тяжелое, смутное время.

Ни по годам, ни по своим личным качествам молодая королева не была способна управлять королевством, а в то же время у нее не было достаточно самосознания, чтобы понять это и предоставить дело правления людям более сведущим. Она хотела не только *царствовать,* но и *править,* вследствие чего, при ее неопытности и неспособности, королевский двор сделался ареной борьбы честолюбивых фаворитов, интриганов и властолюбивых представителей католического духовенства. Учрежденный, по духовному завещанию короля Роберта, совет, который до совершеннолетия королевы должен был помогать ей в делах правления, существовал только на бумаге. Сам папа пробовал вмешаться со своими увещеваниями, отправил к Иоанне специального посла, которому поручено было объяснить молодой королеве все неудобство ее поведения, и посол этот был не кто иной, как Петрарка. Но ничто не помогало: и при дворе, и во всем государстве водворялась полная анархия. Частная жизнь королевы была дурным примером для всех. Легкомысленная и чувственная Иоанна вела себя так, что даже при ее нравственно распущенном дворе ее поведение, переходившее всякие границы приличия, каждому бросалось в глаза и казалось предосудительным. Но хуже всего были ее отношения к молодому супругу, принцу Андрею, которого она всеми мерами старалась устранить от какого бы то ни было участия в делах правления. Честолюбивый молодой принц не мог примириться с этой ролью и, со своей стороны, через посредство папы хлопотал о том, чтобы вместе с Иоанной быть признанным королем, короноваться и делить с ней власть. Однако в то самое время, когда его старания почти увенчались успехом и он, по-видимому, был уже близок к цели, несколько враждебных ему придворных напали на него в одном из загородных замков и задушили его. Народная молва

обвинила королеву Иоанну в подстрекательстве к этому преступлению, ибо все знали, что она ненавидела своего довольно грубого супруга и дарила свое сердечное расположение другим. Хотя тайна ее участия в этом деле так и осталась нераскрытой, но общее мнение находило себе подтверждение в том обстоятельстве, что, казнив нескольких второстепенных участников убийства, она оставила ненаказанным того, кого считали самым главным. Через два года после этого кровавого события она вышла замуж за своего еще достаточно молодого дядю, принца Людвига Тарентского.

Но за убитого принца Андрея нашлись мстители. С одной стороны, другой дядя Иоанны, принц Карл Дурацо, поднял против нее оружие, организовав народные банды в самом королевстве, а с другой, – старший брат Андрея, бывший в то время королем венгерским, вторгся в Италию во главе многочисленной армии, провозглашая, что он намерен наказать убийц брата, прогнать Иоанну и возвести на трон родившегося уже после смерти Андрея сына его. Успех его экспедиции был полный. Он завладел королевством и городом Неаполем, а Иоанна со своим новым супругом должны были бежать: она во Францию, а он во Флоренцию (1348 г.). Но в это время появилась в Италии чума, а вместе с тем народ венгерский начал сильно тяготиться мадьярским пребыванием в Италии, и король должен был из нее удалиться. Иоанна же и ее супруг, пробыв едва год в изгнании, вернулись снова в Неаполь. Папа, после тщательно произведенного следствия, оправдал Иоанну в приписанном ей убиении принца Андрея.

Но и дальнейшее царствование королевы Иоанны было столь же смутно, как и вначале, и кончилось впоследствии гибелью ее тоже в борьбе с одним из претендентов на престол. В 1381 году она была взята в плен Карлом Малым, племянником вышеупомянутого Карла Дурацо, и после нескольких месяцев тюремного заключения задушена.

Среди политических событий этого времени видную роль играл человек, с которым нам придется встретиться в биографии Боккаччо, флорентиец Николай Аччьяйоли (Niccola Acciaiuoli). Его предки, родом из Брешии, переселились во Флоренцию еще во времена древнеримского владычества и занимались обширной торговлей. Богатство их вскоре достигло колоссальных размеров, а вместе с этим члены этой фамилии начинают занимать видные места и при дворах не только в Италии, но и в Греции и в Византии, не оставляя в то же время и своей торговой деятельности, распространившейся по всем известным в то время странам Европы и даже Африки. Отец Николая Аччьяйоли не раз

ссужал крупные суммы королю Роберту Неаполитанскому, за что, в свою очередь, получал разные почетные награды и земли. В 1331 году двадцатилетний Николай был отправлен отцом в Неаполь, чтобы заведовать его тамошними торговыми делами. Но эти занятия продолжались недолго: одаренный от природы блестящими наружными и душевными качествами, Николай стремился к более высокому поприщу, вероятно, поощряемый к этому и своей молодой женой из знатного рода Спини. И когда в 1332 году умер брат короля Роберта, Филипп, герцог Тарентский, оставив вдову Катарину, умную и энергичную женщину, с тремя малолетними сыновьями, Николай Аччьяйоли был призван Катариной в качестве воспитателя ее детей и в то же время сделался одним из ближайших ее советников по управлению владениями. Деятельность его и в том, и в другом отношении была плодотворна. Враги и завистники обвиняли воспитателя перед его воспитанниками в не совсем благовидных отношениях с герцогиней, но он опроверг клевету и еще более упрочил свое положение и влияние. Особенной благосклонностью пользовался он у среднего из своих воспитанников, принца Людвига. Когда был убит муж королевы Неаполитанской Иоанны, Андрей, у Николая Аччьяйоли появилась мысль устроить брак принца Людвига с овдовевшей Иоанной и, заручившись согласием Людвига и его матери, он довольно быстро устроил это дело, чем заслужил безграничное доверие и расположение молодой четы. Так как Иоанна и Людвиг посвящали свою жизнь преимущественно удовольствиям, то Аччьяйоли сделался настоящим правителем королевства. Мы видели, что Иоанна и Людвиг были изгнаны из Неаполя королем Венгерским. Во время этого изгнания принц Людвиг жил во Флоренции на вилле Аччьяйоли и исключительно на его средства. По возвращении же Людвига и Иоанны в Неаполь и заключении мира с венгерским королем Аччьяйоли снова берет в свои руки бразды правления. С замечательной энергией и уменьем стремится он умиротворить борющиеся между собой партии; не раз он рискует при этом своим состоянием; не раз приходится ему возглавить армию и проявить способности полководца; отправляемый Людвигом в качестве полномочного посла к папе, он заслуживает особое благоволение папы и награждается им золотой розой. После смерти короля Людвига он с такой же энергией и преданностью защищает интересы королевы Иоанны от происков враждебных партий и до самой своей смерти занимает выдающееся положение при неаполитанском дворе. Красивый, изящный, окруженный блестящей свитой, он всегда искал популярности, был щедр и чаще прощал, чем преследовал наносимые ему оскорбления.

Честолюбивый, он был смел и предприимчив; тщеславный, он любил, чтобы хвалили принадлежавшие ему предметы, и нередко награждал льстеца, даря ему вещь, которую тот удачно похвалил. Он устраивал роскошные пиршества для своих друзей, будучи сам всегда умеренным в еде и питье. Неразборчивый в средствах для достижения целей, он был в то же время очень набожен и давал монастырям крупные суммы. Недалеко от Флоренции он построил большой картезианский монастырь, при котором учредил школу и библиотеку, и назначил капитал на содержание трех учителей и пятидесяти учеников.

Не подлежит сомнению, что уже в первое свое пребывание в Неаполе Боккаччо был в более или менее близких отношениях к Аччьяйоли. Весьма вероятно, что по прибытии в Неаполь Боккаччо, будучи сыном уважаемого во Флоренции купца, отыскал своего земляка, уже имевшего достаточно видное положение при дворе, чтобы быть ему в чем-либо полезным; а Аччьяйоли еще не был тогда настолько знатен, чтобы быть недоступным. В одном из писем Боккаччо, относящемся ко времени его первого пребывания в Неаполе, можно видеть, какое впечатление производил тогда на молодого Боккаччо его соотечественник, смело и уверенно шедший к высокой цели: Боккаччо выказывал безграничное, почти детское поклонение и удивление талантам и успехам Аччьяйоли. Впоследствии, разочарованный и более опытный в оценке людей, Боккаччо называл его тщеславным, ничтожным и пустым выскочкой. Но и тот, и другой взгляд его на Аччьяйоли пристрастен: правда лежит посередине между ними.

Через Аччьяйоли Боккаччо получил доступ в высшие слои неаполитанского общества. То обстоятельство, что Боккаччо не принадлежал к аристократии, а был лишь сыном купца, хотя и почтенного, но не крупного капиталиста, не могло служить препятствием, ибо при итальянских дворах вообще было демократическое на правление, а общество, составлявшее неаполитанский двор того времени, стояло выше сословных предрассудков как в хорошем, так и в худом смысле слова. Боккаччо, во всяком случае, не играл никакой деятельной роли в этом обществе; он был там приятным гостем, проницательным наблюдателем, и только. Мы нигде не видим его стремящимся выдвинуться посредством честолюбивых происков; от этого удерживали его, вероятно, застенчивость и скромность, а может быть, и отвращение к тем средствам, какими иногда достигались видные положения. Из своего пребывания в высшем обществе Боккаччо вынес только знакомство с его нравами и воспользовался этим богатым материалом в своих произведениях.

В произведениях Боккаччо отразилось также его знакомство с окрестностями Неаполя и с теми древними памятниками, которые там встречаются.

Некоторые биографы предполагали, что Боккаччо жил в Неаполе в нищете; но есть гораздо больше оснований утверждать, что он жил там в относительном довольстве, ибо отец его, несмотря на свою скупость, не мог оставлять его в нищенском состоянии, хотя бы ради приличия и поддержания достоинства своей торговой фирмы. Конечно, весьма вероятно, что молодой студент расходовал иногда больше, чем присылал ему его бережливый родитель, и вследствие этого впадал в мрачное настроение, заставлявшее его жаловаться на свою печальную судьбу; но в его же собственных словах, в позднейшем письме к Франческо Нелли, мы находим подтверждение, что он был обеспечен. «Я жил, – пишет он, – с детских лет до зрелого возраста в Неаполе между сверстниками-юношами, которые, хотя и принадлежали к благородному сословию, не стыдились посещать меня в моей квартире. Они видели, что я живу не как зверь, а как человек, и притом довольно комфортабельно (delicatamente); они видели также, что мой дом и мой домашний обиход устроены соразмерно с моими средствами, даже весьма блестяще».

Нельзя также предположить, чтобы Боккаччо, если б был нищим оборванцем, мог заслужить любовь Фьяметты, считавшейся побочной дочерью короля Роберта.

Во всяком случае, хотя в своих стихах того времени Боккаччо и рисует себя иногда в самом мрачном настроении, надо думать, что тогдашняя жизнь его в Неаполе прошла, вообще-то, среди тех удовольствий, которые могли ему доставить его молодость, красота, некоторая обеспеченность и приятные знакомства.

Но в то же время годы, проведенные им тогда в Неаполе, были для него временем серьезной и усердной работы. Правда, он, по собственному его признанию, не много и не особенно прилежно занимался каноническим правом, но зато тем больше времени посвящал гуманитарным занятиям. Из его произведений того времени («Ameto», «Filicopo», «Amorosa Visione», «Teseide» и др.) видно, какой начитанностью в мифологии и авторах древности обладал он уже тогда. Если кое-что у него и оставалось в памяти от прежних знаний, приобретенных в школе Джованни да Страда, то, во всяком случае, с тех пор, за время его коммерческих занятий, все это было перезабыто, в Неаполе же возобновлено и значительно пополнено. Кто были его учителями и руководителями в это время, определить нельзя; в Неаполе их могло найтись тогда немало. Но об одном из неаполитанских

ученых того времени Боккаччо вспоминает с благодарностью, хотя он и не был для него собственно учителем. Это Павел Перуджинский (Paulus Perusinus), тогдашний библиотекарь короля Роберта, занимавшийся собиранием древних исторических материалов и составивший нечто вроде мифологическо-исторической энциклопедии, которая после смерти его была утеряна. Но Боккаччо еще имел случай пользоваться ею и заимствовать из нее многое для своей «Генеалогии богов».

Занятия Боккаччо в Неаполе не ограничивались лишь областью истории и филологии. Он занимался также астрономией и астрологией под руководством знамени того в то время Андалоне дель Негро. Этот ученый, кроме своих теоретических знаний, отличался еще практическим знакомством с разными странами света, потому что объездил их лично. По некоторым сведениям, Андалоне был не лишен и поэтического дарования и занимался также греческой литературой. Во всяком случае, знакомство с ним обогатило Боккаччо многими познаниями, которые пригодились ему впоследствии.

Глава III. Боккаччо и Фьяметта

Первая встреча. – Происхождение Фьяметты, ее семейное и общественное положение. – Наружность Фьяметты и Боккаччо. – Характер отношений между Боккаччо и Фьяметтой. – Возвращение Боккаччо во Флоренцию. – Печальное положение города вследствие кризиса и борьбы партий. – Настроение и занятия Боккаччо. – Приезд во Флоренцию Николая Аччьяйоли. – Вторичный отъезд Боккаччо в Неаполь. – Перемены при неаполитанском дворе. – Отношение Боккаччо к событиям того времени, выразившееся в его эклогах. – Боккаччо о королеве Иоанне. – Смерть отца Боккаччо и возвращение во Флоренцию.

Важнейшим событием в жизни Боккаччо за время его пребывания в Неаполе была встреча с Фьяметтой, имевшая большое влияние на развитие его поэтического дарования. У Данте была Беатриче, у Петрарки – Лаура, для Боккаччо они олицетворились в образе Фьяметты с той разницей, что у него любовь к ней имела более земной и даже чувственный оттенок. История этой любви изложена самим Боккаччо довольно обстоятельно и подробно в его произведениях «Ameto» и «Fiammetta», а отголоски ее встречаются почти во всех его сочинениях на итальянском языке; но тем не менее эти сведения нельзя считать ни вполне достаточными, ни вполне точными.

В «Ameto» он рассказывает, как образ Фьяметты явился ему в видении, когда он еще только в первый раз подъезжал к Неаполю. Можно предположить, что поэт облек здесь в красивый поэтический вымысел действительную встречу с ней. Но с тех пор он на шесть лет теряет ее из виду, отдавая свою любовь другим. Потом, незадолго до встречи, она вновь явилась ему в видении, и наконец он воочию увидал свой идеал в церкви Св. Лаврентия, в Страстную субботу, 12 апреля 1338 года. Через несколько дней он случайно встретился с ней снова в церкви одного из окрестных монастырей, и здесь ему удалось уже вступить в разговор с обожаемой красавицей. Разговор коснулся распространенной тогда легенды о любви Флорио и Бьянкофиоре, и Фьяметта предложила Боккаччо написать историю этой любви. Конечно, он охотно вызвался исполнить ее желание и написал на эту тему свой роман «Filicoro». После этой встречи Боккаччо познакомился с мужем Фьяметты, подружился с ним и сделался частым гостем у них в доме.

Настоящее имя этой дамы, которую Боккаччо обессмертил под именем Фьяметты (что, от слова fiamma – огонь, означает,

собственно, *огонек),* было Мария. Она родилась в семье графа Аквино, занимавшего высокий пост при неаполитанском дворе, но считалась побочной дочерью короля Роберта. Ее мать, графиня Аквино, была весьма нравственной женщиной, но должна была однажды уступить преступной страсти короля Роберта, вынужденная к этому обстоятельствами. Родившаяся у нее после этого дочь была, однако, по желанию короля воспитана как дочь графа Аквино; но мать, умирая, открыла ей тайну ее рождения. Сначала Мария поступила послушницей в монастырь; но ее красота, обращавшая на себя всеобщее внимание, воспламенила сердце одного молодого и богатого дворянина; он стал добиваться руки Марии и, наконец, при содействии короля Роберта, женился на ней. Мария жила счастливо со своим мужем уже несколько лет, когда случайно встретилась с Боккаччо.

Имя мужа Фьяметты остается неизвестным. Он, очевидно, не принадлежал к числу выдающихся лиц в неаполитанском обществе и нигде не видно, чтоб он или Фьяметта принимали какое-нибудь участие в придворных интригах.

Во время первой встречи Боккаччо с Фьяметтой ему было 25 лет, а она была года на три старше его; но, если верить описаниям Боккаччо, она соединяла в себе все телесные и духовные совершенства и была сошедшим с неба на землю идеалом женской красоты: «золотистые длинные волосы, белые бархатные плечи, краска лилий и роз на лице, губы, как темные рубины, и глаза яркие, светящиеся, как у свободного сокола». О ее умственном развитии можно судить по тому, что Боккаччо посвящал ей такие вещи, как «Тезеида» и «Филострат», для понимания которых нужно было все-таки некоторое знание древней мифологии. Во всяком случае, к литературе у нее была несомненная склонность.

Здесь будет кстати сказать несколько слов и о наружности Боккаччо. По описанию его современника Филиппа Виллани, он был довольно красив, высок ростом и, по-видимому, всегда отличался несколько излишней полнотой. Веселый, живой, любезный, он привлекал к себе увлекательной беседой и располагал к себе всех знавших его.

Выше мы заметили, что любовь Боккаччо имела чувственный оттенок; но нужно оговориться, что это было так только с его стороны. Не имея никаких документальных доказательств тех или других отношений Боккаччо с его возлюбленной, мы должны делать наши заключения на основании его поэтических произведений, а они, будучи украшены вымыслом, противоречат друг другу. В своих сонетах Боккаччо постоянно жалуется на холодность своей возлюбленной, называет ее мрамором, не

согретым лучом любви, упрекает ее в том, что ей гораздо дороже ее честь, чем его любовь, и даже в пылу гнева высказывает желание видеть ее состарившейся и подурневшей. И надо думать, что действительно Фьяметта никогда не переходила границы дозволенного в своей любви к Боккаччо. Она позволяла ему посещать их дом, сопровождать ее в прогулках, поклоняться ей и боготворить ее, но и только. Быть может, ее заставляли удерживаться и действительно нравственные побуждения, а может быть, и боязнь, что Боккаччо, достигнув последней цели, охладеет, оставит ее, и она лишится такого интересного поклонника. В посвящении к «Филострато» Боккаччо прямо признается, что его возлюбленная никогда не удостаивала его такой благосклонностью, как Хризеида Троила, и что он и впредь не питает на это надежды. С другой стороны, в «Амето» и «Фьяметте» есть точные указания, что эта любовь была преступной или с самого начала, или после некоторого периода колебаний. Но здесь эту преступность отношений обоих героев романа надо отнести на долю романтического вымысла, без чего сами романы, кончающиеся не достигшими цели «искательствами», показались бы читателям сентиментально-скучными.

Для нас, конечно, не представляет никакой необходимости решение этого вопроса в том или другом смысле. Важно лишь указать, что эта любовь к Фьяметте вызвала появление почти всех поэтических произведений Боккаччо: «Тезеида» и «Филострат» посвящены ей; «Filicoro» написан по ее желанию; она является героиней во «Фьяметте», ее имя прославляется в «Ameto», «Amorosa Visione», «Ninfale fiesolano» [4] и в «Декамероне», и к ней же относится самая большая часть всех лирических стихотворений. Без этой любви к Фьяметте Боккаччо не был бы тем, что он есть.

Как долго длились отношения Боккаччо с Фьяметтой, в точности неизвестно. В то время, когда он писал «Декамерон», т. е. около 1350 года, она, вероятно, была еще жива и продолжала пользоваться обожанием поэта. Но, вероятно, вскоре после того она умерла, потому что в 1355 году Боккаччо подпал уже под влияние другой неудачной любви, вызвавшей его сатиру «Corbaccio» [5], к которой мы еще вернемся. Любовь к Фьяметте была, во всяком случае, его единственной любовью; он остался верен ей даже и после смерти Фьяметты-Марии, как это видно из целого ряда его позднейших сонетов. Фьяметта всегда была для Боккаччо музой, вдохновлявшей его и поддерживавшей в нем священное пламя поэзии, и имя ее останется в потомстве неразрывно связанным с именем Боккаччо.

Около 1339 или 1340 года Боккаччо должен был покинуть Неаполь и вернуться во Флоренцию по желанию своего отца, который перед этим похоронил жену и нескольких сыновей и, вероятно, пожелал, чтоб Джованни помогал ему в делах. Мы уже видели, какова была жизнь в доме отца Боккаччо. Можно себе представить, в каком настроении вернулся Джованни в эту суровую, негостеприимную обитель и как тяжело было ему расстаться с возлюбленной Фьяметтой, с прекрасным Неаполем и с веселым и образованным обществом, в котором он там вращался. И письма Боккаччо, и произведения его, написанные или начатые в этом периоде времени, свидетельствуют о мрачной скорби и угнетенном состоянии духа, в котором он тогда находился.

Впрочем, к причинам такого настроения, касавшимся его лично, присоединялись еще и причины внешние. Флоренция переживала тогда печальное время. Финансовый кризис разорил несколько богатейших банкирских домов, и многие из прежде состоятельных граждан сделались теперь нищими. В числе пострадавших от этого кризиса был, по-видимому, и отец Боккаччо; хотя он и не разорился, но состояние его, во всяком случае, пострадало, и старик стал теперь еще скупее и желчнее прежнего. Вместе с тем и политическое положение Флоренции было поколеблено неудачно кончившейся разорительной войной с Пизой. Партии враждовали между собой. Дворянство, с одной стороны, и низшие классы, – с другой, боролись одновременно с партией именитых горожан, стоявших до тех пор во главе правления. Внутренние беспорядки дошли до последней степени. Можно себе представить, какое печальное настроение должно было вызвать это положение у Боккаччо после всего, что он видел в Неаполе.

Но он, по-видимому, не принимал никакого участия в этих политических волнениях. За время долгого отсутствия его во Флоренции интерес к борьбе местных партий в нем, конечно, ослабел, да, вероятно, ни одна из тогдашних партий и не привлекала его симпатий. Благотворным исходом из мрачного настроения, тяготевшего тогда над Боккаччо, были для него занятия литературой, которым он и отдался с особенным рвением.

В 1342 году приезжал во Флоренцию Николай Аччьяйоли, и встреча с ним временно разогнала мрачное настроение Боккаччо.

В 1344 или 1345 году Боккаччо мог, наконец, избавиться от тягостного пребывания во Флоренции и вернуться в Неаполь. Чем был вызван этот отъезд, – неизвестно, но вероятнее всего, что отец его, женившийся в это время во второй (или третий) раз, не

нашел удобным стеснять жизнь молодой жены пребыванием возле нее взрослого пасынка.

Второе пребывание в Неаполе не было для Боккаччо таким светлым и радостным, как первое. Времена переменились. Король Роберт уже умер, на престол вступила королева Иоанна, при неаполитанском дворе наступил период распущенности, и политическое значение Неаполя клонилось к упадку. Сам Боккаччо не был уже тем пылким юношей, каким он появился в Неаполе в первый раз; теперь ему, человеку зрелого возраста, многое должно было показаться уже в другом свете, чем тогда. Ряды друзей поредели, взаимные интересы изменились или ослабели. И в то же время в политической жизни Неаполя происходили бури одна за другой, убийство мужа королевы Иоанны, Андрея, последовавшие затем беспорядки, свадьба Иоанны с Людвигом Тарентским, нашествие венгров, бегство и возвращение королевской четы, чума, – все это прошло перед глазами Боккаччо, и если он, по-видимому, и не принимал участия в этих событиях, то во всяком случае они не могли не отражаться на его жизни, не могли пройти бесследно мимо него, так как одним из деятельнейших участников всех этих событий был, как мы видели, Николай Аччьяйоли, а Боккаччо был к нему более или менее близок.

Его взгляды на события того времени и отношения к ним выразились в его латинских эклогах. Не называя имен, прикрываясь аллегорией, он оплакивал смерть короля Роберта, воздавая величайшую похвалу его деятельности, и вместе с тем с большой симпатией относился к убитому принцу Андрею, мужу королевы Иоанны, а Иоанну выставил под видом волчицы, растерзавшей принца на уединенной лесной тропинке. Потом он восхвалял Аччьяйоли за его преданность принцу Людвигу во время его изгнания, высказывал скорбь по поводу разгрома, который произвел в Неаполе венгерский король, и, наконец, когда Иоанна и Людвиг вернулись из изгнания снова в Неаполь, Боккаччо, вразрез с предыдущим, написал по этому случаю такую преувеличенно хвалебную эклогу, что можно было бы заподозрить его в желании получить какое-либо доходное придворное место. Но такое подозрение едва ли будет справедливо, потому что Боккаччо, по-видимому, никогда не стремился занять какую-либо постоянную должность, ибо иначе он мог бы, вероятно, достичь этого через Аччьяйоли. За такие преувеличенные похвалы ему можно сделать упрек скорее в недостатке литературного вкуса, чем в низменном искательстве. В придворных кружках он вращался больше ради развлечения, да и на него там смотрели не как на искателя придворных мест или

политического деятеля, а преимущественно как на приятного собеседника и интересного рассказчика, что подтверждается отчасти и позднейшим намеком Боккаччо, что «Декамерон» написан им по желанию королевы Иоанны. Конечно, должно показаться странным, что Боккаччо, вначале отнесшийся так враждебно к королеве Иоанне после убийства ее супруга, нашел потом возможность не только бывать в ее обществе, но и восхвалять ее. Но оправдание такой видимой беспринципности можно найти в том, что виновность королевы в смерти ее супруга никогда не была доказана. Иоанна была оправдана в этом обвинении самим папой, и когда изгладились в памяти первые впечатления смерти принца Андрея, неаполитанское общество относилось к королеве без предубеждения. Боккаччо же и в том, и в другом случае явился лишь отголоском общественного мнения. В написанной им позднее книге о знаменитых женах он называет Иоанну красой Италии, которой не было равной ни у одного народа, и хвалит даже порядок и общественную безопасность в ее королевстве, что, конечно, является непозволительным преувеличением даже тех удачных административных распоряжений, которые исходили не от Иоанны, а от Аччьяйоли.

В 1348 или 1349 году умер отец Боккаччо, вероятно, во время свирепствовавшей тогда чумы. Боккаччо находился в это время в Неаполе. Мачеха умерла еще раньше, и Боккаччо был назначен опекуном своего младшего брата Якопо. Тогда он отправился во Флоренцию, чтоб принять оставшееся на его долю и на долю Якопо наследство.

Это возвращение во Флоренцию отделяет резкой чертой последующую эпоху его жизни от предыдущей.

Глава IV. Боккаччо как политический деятель. Перелом в его жизни

Его независимое положение после смерти отца. – Последствия чумы во Флоренции. – Политическое положение городов Италии. – Значение Боккаччо среди своих сограждан. – Посольства Боккаччо в Романью и Равенну. – Посещение Флоренции Петраркой. – Петрарка гостит у Боккаччо. – Дружба Боккаччо и Петрарки и их переписка. – Влияние Петрарки на Боккаччо. – Боккаччо посещает Петрарку в Падуе в качестве посла от флорентийцев. – Поездка в Равенну. – Петрарка поступает на службу к Висконти, и Боккаччо упрекает его за потерю своей свободы. – «Corbaccio». – Влияние эпохи Возрождения на эмансипацию женщин, и взгляды Петрарки и Боккаччо на женщин. – Послание Боккаччо к Пино де Росси. – Леонтий Пилат. – Перевод Гомера. – Посещение Боккаччо сиенским монахом Чиани. – «Обращение» Боккаччо.

Теперь Боккаччо возвращался домой уже не в качестве послушного сына к угрюмому и нелюбимому отцу, а как самостоятельный человек, ни от кого не зависящий и обладающий средствами. Впрочем, средства эти были, вероятно, весьма небольшие, потому что состояние его отца, как мы видели выше, к тому времени уменьшилось, да часть и этого наследства – быть может, половина – отходила к брату Боккаччо, Якопо.

Расстаться с Неаполем ему было теперь, конечно, гораздо легче, чем в первый раз: условия жизни в Неаполе изменились, как мы видели, к худшему, а привязанность к Фьяметте не могла уже играть прежней роли в жизни Боккаччо; ему было теперь 36 лет, а Фьяметте под сорок.

В литературном отношении Боккаччо достиг уже в это время полного развития. Его главнейшие итальянские произведения были написаны, за исключением «Декамерона», который находился еще в зародыше.

Когда Боккаччо вернулся теперь во Флоренцию, она представляла город наполовину вымерший и носила на себе следы недавно пронесшегося над нею бедствия. Здесь, кстати, заметим, что Боккаччо в своем описании флорентийской чумы должен был руководствоваться лишь рассказами очевидцев, а не собственными наблюдениями. Однако и сам он в Неаполе был свидетелем тех же сопровождавших это бедствие явлений, хотя

там они проявились в значительно меньшей степени, чем во Флоренции.

Но благодаря энергичному характеру флорентийцев последствия недавних бед стали быстро сглаживаться, и Флоренция снова начала завоевывать себе свое прежнее политическое значение. Политическое же положение всей Италии в половине XIV столетия было одним из самых печальных, потому что представляло непрерывный ряд мелочных интриг, обманов и войн между маленькими династиями и тиранами многочисленных самостоятельных городов и герцогств с постоянным вмешательством пап, императоров и королей, французов и венгров.

Боккаччо, живший прежде исключительно жизнью частного человека и поэта, начинает со времени своего второго возвращения во Флоренцию принимать участие в политической жизни родного города, и мы видим, что флорентийская синьория неоднократно избирает его своим послом к разным дворам и, между прочим, к папе. Несмотря на то, что он не принадлежал к знатному роду и не обладал даже настоящим богатством, его личные качества заставляли гордую своим происхождением и богатством синьорию отдавать Боккаччо преимущество перед всеми другими. Своими литературными трудами он составил уже себе почетную известность; в Неаполе он вращался в придворных кружках, ознакомился не только с придворной жизнью, но и с политическими приемами тамошнего двора, был близок к могущественному в то время Аччьяйоли и в совершенстве говорил и писал по-латыни, бывшей тогда языком не только ученых, но и дипломатов.

Первое посольство Боккаччо было в Романью; но какова была его цель, остается неизвестным. Затем ему, тоже с неизвестной целью, было поручено съездить в Равенну: предлогом же для этой поездки послужило доставление десяти золотых гульденов, неизвестно кем посланных, дочери Данте, жившей в равеннском монастыре Св. Стефана.

Эта поездка была предпринята им в конце 1350 года, а незадолго до нее или вскоре после нее Боккаччо принимал у себя приехавшего в то время во Флоренцию Петрарку.

Петрарка, отправляясь осенью 1350 года в Рим, направил свой путь через Флоренцию, в которой он до тех пор еще никогда не был, так как родился и вырос в изгнании. Боккаччо, узнав об этом, послал ему навстречу приветственное стихотворение на латинском языке, а затем и сам лично вышел встречать его у городских ворот. Эта первая встреча произошла в сумерки холодного октябрьского дня, но она навсегда сохранилась в

памяти обоих поэтов как светлое воспоминание, и Петрарка с любовью упоминает об этой счастливой минуте в одном из писем к Боккаччо, написанном десять лет спустя. Петрарка остановился во Флоренции в доме Боккаччо и пробыл здесь несколько дней, а может быть, и несколько недель. Это пребывание доставило, конечно, обоим огромное умственное наслаждение, потому что оба знали и ценили сочинения друг друга, у обоих были одинаковые взгляды на жизнь, на предметы искусства, на науку, одинаковые стремления. С тех пор между ними завязалась и укрепилась та дружба, которая никогда не омрачалась ни малейшей тенью недоразумения или зависти. Здесь, конечно, надо отдать справедливость мягкому, податливому характеру Боккаччо, умевшему добровольно подчиниться Петрарке, столь высоко ценившему свою славу и свое значение; а с другой стороны, и Петрарка был настолько тактичен и деликатен, что никогда не давал почувствовать своему другу в резкой форме свое действительное или воображаемое превосходство.

По приезде из Флоренции в Рим Петрарка написал Боккаччо длинное письмо, и с тех пор между ними началась постоянная переписка, носившая всегда характер не только обмена мыслей между двумя учеными и поэтами, но и дружеских бесед о чисто домашних интересах. Когда Петрарка писал к Боккаччо, он сходил со своего пьедестала и снимал свой венец славы.

Во время начала этой дружбы Петрарке было 46, а Боккаччо 37 лет, следовательно, оба были в таком возрасте, когда характер человека уже вполне сложился, и влияние друг на друга не может быть значительным. Тем не менее, если в области поэзии оба друга шли более или менее самостоятельным путем – Петрарка был по преимуществу лирик, Боккаччо был более силен в эпической поэзии, – то в области развития гуманизма Боккаччо явился прямым учеником и последователем Петрарки. Да и в сфере чисто художественной деятельности Боккаччо не остался, вероятно, без косвенного влияния на него сочинений Петрарки, которые были известны ему еще задолго до личного знакомства с самим поэтом. Влияние же Петрарки на дальнейшее направление уже возмужалого Боккаччо сказалось и в том, что Боккаччо, в юности весьма равнодушный к делам религии, под старость сделался чрезвычайно религиозным. Петрарка же, всегда боровшийся со злоупотреблениями и невежеством духовенства, в то же время отличался благочестием, верою и даже некоторой склонностью к религиозному мистицизму. Весьма вероятно, что совершившийся впоследствии у Боккаччо переворот в его отношениях к религии и церкви был подготовлен его беседами с Петраркой, которого он с величайшей почтительностью называл и

учителем, и отцом, и господином.

Впрочем, такое отношение не мешало Боккаччо видеть и слабые стороны своего учителя, и когда в 1353 году Петрарка, всегда проповедовавший в античном, возвышенном тоне, что свобода есть величайшее благо, что жизнь философа – высшее доступное на земле счастье, всегда восставший против служения тиранам, сам поступил на службу к тирану Миланскому Джованни Висконти, – Боккаччо написал своему другу письмо, в котором резко порицал его за измену прежним убеждениям.

Вскоре после их первого знакомства во Флоренции Боккаччо пришлось посетить Петрарку в Падуе. Флорентийцев огорчало, что прославленный во всей Италии и увенчанный лаврами поэт, которого они имели право считать своим гражданином, до сих пор жил в изгнании, и, чтобы загладить старую несправедливость, они решили звать Петрарку назад во Флоренцию, возвратить ему конфискованное отцовское имущество и предоставить ученую должность при вновь основанной высшей школе. Передать ему составленную в самых лестных выражениях «призывную» грамоту было поручено Боккаччо. Посольство это, однако, не имело успеха. Петрарка слишком сильно свыкся со свободной, бродячей жизнью поэта и ученого и в то время еще слишком дорожил собственной свободой и независимостью, чтобы принять какую-либо постоянную должность и тем связать себя. Но для Боккаччо это пребывание у Петрарки было весьма приятным и еще более сблизило двух друзей.

В 1353 году Боккаччо ездил, вероятно по какому-либо дипломатическому поручению, в Равенну. На пути туда он остановился, чтобы отдохнуть, в Форли и здесь-то и узнал, что Петрарка поступил на службу к Висконти. Это его так поразило, что тотчас по приезде в Равенну он написал Петрарке письмо, о котором мы уже упоминали выше. Это письмо можно признать образцом дипломатической диалектики; в нем Боккаччо должен был, щадя весьма чувствительное самолюбие своего увенчанного лаврами друга, высказать ему в должной форме, насколько его огорчало недостойное поведение Петрарки, некогда столь гордившегося своей свободой и презрением к тиранам. Впрочем, надо полагать, что огорчение Боккаччо было сильно главным образом потому, что Петрарка поступил на службу именно к *миланскому* тирану, с которым Флоренция, а следовательно, и Боккаччо находились во враждебных отношениях. Признавать же Боккаччо за крайнего и убежденного республиканца едва ли можно. Его отношение к неаполитанскому двору, к Аччьяйоли, посвящение им своей «Генеалогии богов» королю Кипрскому, – все это свидетельствует, что громкие, патетические речи против

тиранов, которые он вычитал у древних римских авторов, не всегда приходили ему на память, когда случалось на практике иметь дело с владетельными особами. Одно несомненно, что Боккаччо всегда был готов горячо отстаивать свободу и независимость своей родной Флоренции; в этом отношении он был настоящий флорентийский патриот, возвышавшийся над интересами всяких партий.

Нужно, впрочем, заметить, что едва ли у Боккаччо были очень ясно выраженные и последовательные политические взгляды, да и нельзя этого было требовать от людей того времени, когда вся Европа, а в особенности Италия, находилась в состоянии брожения и хаоса, и именно лучшим-то и благороднейшим людям, прилагавшим к современным им событиям и политическим условиям жизни масштаб возвышенных идеалов и принципов, и приходилось чаще всего глубоко разочаровываться.

К 1355 году относится неприятный эпизод в жизни Боккаччо, подавший ему повод к написанию его знаменитой сатиры «Corbaccio». Поэт, которому было в то время уже за сорок лет, влюбился в молодую красивую вдову, но его любовь была не только отвергнута, потому что сердце дамы принадлежало уже другому, но и осмеяна со счастливым соперником. Боккаччо жестоко отомстил насмешнице, написав на нее едкую сатиру «Corbaccio», что значит злой, отвратительный ворон. Эта знаменитая, выдающаяся по силе выражений и фантазии сатира, переходящая иногда не только границы эстетики, но и границы приличия, носит еще и побочное название «Лабиринт любви». Боккаччо рассказывает в ней, как он, влюбившись и будучи отвергнут, хотел лишить себя жизни; но, поразмыслив, решил, что он сам не прав, требуя любви к себе от человека, который его не любит, и что если неудачная любовь причиняет ему страдания, то он один виноват в них, потому что сделал неудачный выбор. Далее он описывает приснившийся ему сон. Ему снилось, что он забрел в дикую местность и хищные звери готовы были растерзать его. На выручку явился призрак старика, который объяснил ему, что эта местность называется «Лабиринт любви», и описал ему все ужасы, ожидающие человека, отдающегося во власть пагубной страсти, которую безумные люди возвели даже в степень божества. Призрак в самых ярких, ужасающих красках выставляет перед ним все недостатки женщин, их ничтожество и злые стороны их натуры. Этот призрак оказывается мужем той самой дамы, которая отвергла Боккаччо. Он предлагает Боккаччо, чтобы искупить сделанную им ошибку, возненавидеть пленившую его, ничтожную женщину и написать книгу, в которой следует показать ее миру в надлежащем свете: ибо поэтам дана власть и

возвышать, и низвергать. Он дает призраку обещание написать такую книгу, затем тот выводит его на светлую высокую гору, и Боккаччо просыпается.

Если взглянуть на эту сатиру, переполненную преувеличенными нападками на женские слабости, исключительно как на месть Боккаччо отвергнувшей его даме, то она является недостойной поэта. Но едва ли одна такая цель руководила им. Недаром же возникали даже сомнения, был ли с Боккаччо в действительности тот случай отвергнутой любви, который им описан в «Corbaccio», и не взял ли его поэт просто как более яркую форму для проведения своей идеи. Однако нет оснований утверждать, что эта неудачная любовь Боккаччо вымышлена. Она, вероятно, только помогла ему оглянуться назад и увидеть много дурных сторон там, где он их прежде не видел. В «Corbaccio» он хотел, быть может, показать обратную сторону медали той идеи эмансипации женщин, которая сквозит во всех других его произведениях, и отталкивающим безобразием нарисованной им в «Corbaccio» картины предостеречь от излишних увлечений. В этой сатире Боккаччо является настоящим женоненавистником, в котором никак нельзя узнать автора «Декамерона». Это писал как будто совсем другой человек. Здесь, может быть, есть отчасти и влияние Петрарки, который в позднейшие годы не особенно дружелюбно смотрел на свои юношеские увлечения Лаурой, сделавшись ярым противником женщин, и если вспоминал еще о Лауре, то разве потому, что с его любовью к ней была связана и его слава как поэта.

Впрочем, и Петрарка, и Боккаччо были людьми своего времени, стоявшие на рубеже средних и новых веков. Средневековые понятия о женщинах не могли не найти в них отголоска. Они явились реформаторами всех средневековых воззрений, основателями культуры эпохи Возрождения, но во многом действовали бессознательно, в силу гения, который толкал их на этот путь, иногда, быть может, в противоречии с их убеждениями. Если бы они могли предугадать, до каких пределов дойдет развитие того античного духа, который был вызван ими к жизни, то их бы охватил ужас. Мог ли ожидать религиозный Петрарка, боровшийся лишь с безнравственностью развратного духовенства и бредивший идеальными героями древности, что та самая новая культура, основы которой он заложил, будет впоследствии угрожать самому существованию христианской церкви и вместо доблестей древних героев вызовет к жизни все дурные стороны древнего языческого мира. Быть может, под старость они оба инстинктивно предчувствовали это, и реакция против насажденных ими идей, впоследствии охватившая целые

государства, ярко выразилась у Боккаччо в форме того раскаяния и обращения к религии, о которых мы скажем далее. Тем более естественна у Боккаччо, после испытанной неудачи, его старческая ненависть, или, по меньшей мере, презрение к женщинам как отголосок тех средневековых понятий, которые были еще живы. По тогдашним аскетическим воззрениям женщина была во всех отношениях существом низшего разряда, нечистый сосуд наслаждений; безбрачие считалось желанным, почетным и богоугодным делом, а брак – греховным и только по слабости человеческой плоти терпимым состоянием. Хотя женщина в Средние века и воспевалась миннезингерами в возвышенных песнях, но в действительности это поклонение ей было не что иное, как условная ложь. Раба мужчины, она никогда не была его равноправной подругой, и сердечное и умственное общение с женщинами считалось унижающим мужчину. Только эпоха Возрождения принесла женщинам полную эмансипацию от духовного и общественного превосходства мужчины и признала ее способной к высшему развитию; только с этой эпохи началась настоящая общественная жизнь, и женщина заняла в ней подобающее место. Каковы бы ни были крайности, к которым привела эпоха Возрождения и которые вызвали потом неизбежный протест, мы обязаны ей постановкой женского вопроса на ту почву, на которой женщина выросла в полноправного гражданина, подругу и сотрудника мужчины, справедливо деля с ним влияние на течение общественной жизни и способствуя смягчению нравов и более полному, всестороннему развитию духовных сил человека. И то обстоятельство, что Петрарка и Боккаччо в старости стали женоненавистниками, нисколько не умаляет заслуг, которые они своей литературной деятельностью оказали «женскому вопросу». Впрочем, их женоненавистничество проистекало еще и из другого источника. Как люди, чувствовавшие себя стоящими выше повседневных дрязг и домашних интересов, погруженные в научные и литературные занятия, посвятившие этим занятиям всю свою жизнь, они, естественно, искали полной свободы и боялись связать себя хозяйственными заботами и воспитанием детей, если б какой-либо женщине удалось занять место в их доме. В этом отношении примеры древних были им, конечно, хорошо знакомы.

Весной 1359 года Боккаччо посетил все еще жившего в Милане Петрарку. Это свидание, после восьми лет разлуки, доставило обоим друзьям большое наслаждение, и Петрарка весьма неохотно отпустил Боккаччо назад, сетуя на кратковременность его пребывания у искренно расположенного к нему друга.

Вскоре после возвращения домой Боккаччо послал Петрарке, вероятно, в знак благодарности за оказанное гостеприимство, собственноручно им списанную копию «Божественной комедии» Данте, приложив при этом латинское стихотворение, которым приглашал своего друга заняться изучением Данте. Хотя Боккаччо, со свойственными ему тактом и мягкостью, весьма удачно умел обойти в этом предложении все, что могло задеть самолюбие Петрарки, но Петрарка принял этот подарок довольно холодно: известно, что он никогда не симпатизировал Данте и долгое время не хотел читать его. В следующем, 1360-м, году Боккаччо написал морально-философский трактат в форме письма по поводу следующего политического события. Один из его друзей, Пино де Росси, человек уже довольно пожилой, оказался замешанным в заговоре, имевшем целью ниспровержение находившейся тогда во главе правления гвельфской партии, проявлявшей драконовскую строгость и деспотический произвол. Но заговор был открыт сеньорией, и заговорщики были частью казнены, частью подверглись изгнанию. В числе последних был и Пино де Росси. Боккаччо в утешение написал ему письмо, носящее характер философской диссертации. В этом письме Боккаччо, ссылаясь на древних мудрецов и подкрепляя свои доводы историческими примерами, доказывает своему другу-изгнаннику, что для мудреца весь мир – отечество, что для него нет изгнания, а только перемена места жительства, представляющая интерес новизны. Люди высоких душевных свойств умели составить себе выдающееся положение и в чужой стране. Притом же самое пребывание во Флоренции просто противно, потому что управление городом поручено людям недостойным, достигшим своего положения благодаря глупости или злому умыслу своих избирателей. Конечно, не то достойно порицания, что люди низкого происхождения получили высокие посты, это бывало и в древнем Риме – есть примеры Серрана, Цинцината, Мария! – а самое дурное то, что выбранные во Флоренции оказались неспособными к правлению и своим корыстолюбием, надменностью, злопамятностью, завистью и себялюбием повергли город в рабство и угрожают ему гибелью. Надо жалеть не об изгнании, а о том, что раньше не ушел из этого города. Демокрит, чтобы не видеть распущенные нравы афинян, даже сам ослепил себя. Боккаччо ссылается на свой собственный пример; он удалился из Флоренции в Чертальдо, чтобы не быть причастным к тому, что творится во Флоренции, и если бы имел средства, то удалился бы так далеко, чтоб и не слыхать о злокозненности флорентийцев. Далее Боккаччо доказывает, что изгнание дает возможность отличить друзей настоящих от

притворных, и притом это удаление от друзей только внешнее, ибо перепиской можно поддерживать единение духовное. О потере богатства печалиться нечего; хотя благоприобретенное богатство весьма полезно, но бедность – почетное состояние, когда в основании ее лежит честность. Богатство очень часто ведет к порче нравов и привело Рим к упадку. Даже семейную жизнь легче переносить в бедности, чем в богатстве, ибо жены при богатстве предъявляют чрезмерные требования, а в бедности, если они действительно любят своих мужей, служат им утешением. Дети бедных вырастают более закаленными и способными к жизненной борьбе, чем дети богатых. Нечего огорчаться и несправедливостью сограждан: эту несправедливость испытывали лучшие люди древности и сам Христос. Заканчивает Боккаччо это письмо извинением, что он утешает друга только одними словами, но никакого другого утешения доставить ему он не может, а затем сообщает, что, уединившись в Чертальдо, он привык к сельской жизни гораздо скорее, чем ожидал, и живет теперь жизнью философа среди природы и, вместо рассказов об обманах и нечистых проделках флорентийских граждан, слушает пение соловьев и других птиц.

Конечно, далеко не все, что Боккаччо проповедует в этом письме, он решился бы применить к самому себе, и громкие слова звучат деланностью и рисовкой, но во всяком случае высказанные им в этом письме взгляды характеризуют в известной степени то направление мыслей, которое основатели гуманизма приобрели от изучения древних писателей.

К этому же времени относится знакомство Боккаччо с калабрийским греком Леонтием Пилатом, жившим в Венеции. Когда именно началось это знакомство, – не известно, но, по-видимому, в 1359 году. Вероятно, когда Боккаччо был у Петрарки в Милане, Петрарка, имевший сношения и переписку с целым миром, указал Боккаччо на этого грека, и Боккаччо тогда же отправился к нему в Венецию. Пилат намеревался, подобно всем тогдашним авантюристам, ехать в Авиньон, но Боккаччо уговорил его переехать жить во Флоренцию. С большим трудом удалось Боккаччо добиться, чтоб Пилата приняли учителем греческого языка во Флорентийский университет и назначили ему жалованье. Но это жалованье было, вероятно, очень скудным, потому что Боккаччо пришлось выделить греку не только помещение у себя в доме и содержание, но оказывать и денежную помощь. Это была довольно тяжелая жертва, которую Боккаччо принес своей любви к греческому языку и желанию изучить его. Пилат был человек отвратительной наружности и мрачного, ворчливого и надоедливого характера. Он мучил всех своим

беспокойным поведением, грубостью и цинизмом, постоянно бранил Италию и итальянцев и превозносил Грецию. Но он импонировал Боккаччо тем, что голова его представляла настоящий архив греческой мифологии и истории, и Боккаччо, жаждавший познаний в этой области, терпеливо переносил многие неприятности, которые причинял ему Пилат.

Желая доставить своим соотечественникам возможность ознакомиться с Гомером, Боккаччо убедил Пилата приняться за перевод его. Но во Флоренции негде было достать экземпляр песен Гомера. Между тем Боккаччо узнал, что такой выставлен для продажи в Падуе, и обратился к Петрарке, прося его содействия в приобретении этого экземпляра. Петрарка выразил свою готовность и прибавил при этом, что если нельзя будет достать его, то он, со своей стороны, готов дать для перевода собственный: это был, вероятно, экземпляр, присланный Петрарке из Греции Николаем Сигеросом. Который из этих экземпляров послужил для перевода, остается неизвестным, но Леонтий Пилат перевод сделал, Петрарка и Боккаччо совместно заплатили ему за это денежный гонорар, а Боккаччо, кроме того, позаботился о правильности переведенного на латинский текста. В 1367 году Петрарка получил от Боккаччо вполне законченный экземпляр перевода, который хотя и не обладал достоинствами подлинника, но важен в том отношении, что был *первым* переводом Гомера.

На личную поэтическую деятельность Боккаччо это изучение Гомера существенного влияния не имело, потому что она почти уже была закончена к 1360 году; но оно оказало ему помощь в его мифологических и исторических занятиях.

В то самое время, когда Боккаччо был занят изучением греческого языка и Гомером, случилось одно событие, имевшее большое влияние на дальнейшую его жизнь и показывающее, насколько в нем самом отразилась неустойчивость взглядов, свойственная переходным эпохам, каковой была эпоха Возрождения.

В мае 1361 года умер в Сиене картезианский монах Пьетро Петрони, славившийся благочестивой жизнью и почитавшийся за святого. За две недели до смерти он впал в состояние экстаза, и ему являлись в видениях и радости рая, и муки ада. В одном из этих видений ему было дано, как он заявлял, повеление свыше обратиться с увещеванием ко многим выдающимся людям того времени, в том числе к Боккаччо, и убедить их, чтобы они оставили свой грешный образ жизни и обратились на путь истинный. Умирая, он поручил исполнение этого дела своему ученику, монаху того же ордена, Джоакино Чиани, который тотчас же после смерти своего учителя отправился в путь и

прибыл к Боккаччо во Флоренцию, вероятно, в июне 1361 года. Чрезвычайно характерной для того времени представляется встреча этих двух людей. С одной стороны, веселый творец «Декамерона», с другой, – суровый проповедник покаяния; в лице их две различные эпохи и две различные культуры стояли друг перед другом: аскетические Средние века и жизнерадостное Возрождение вступали в борьбу друг с другом; и эта борьба, в которой теперь участвовали эти два действующих лица, в последующие века вызвала проповеди Савонаролы и захватила надолго целые поколения.

Чиани позаботился прежде всего убедить Боккаччо, что он явился послом от такого человека, который действительно был осенен откровением свыше, и достиг этого, открывая Боккаччо такие его сокровенные мысли, которых Боккаччо никогда никому не поверял. Затем монах в пламенной речи увещевал Боккаччо изменить свою, противную Богу, жизнь и отказаться от безнравственных сочинений, которыми он поощрял чувственность в своих собратьях, иначе угрожал ему скорой смертью и муками ада, ожидающими нераскаявшегося грешника.

Эта проповедь глубоко потрясла Боккаччо. Даже неверующего могло бы смутить то обстоятельство, что неизвестный ему монах, живший далеко, в другом городе, проник в тайны его души и прислал к нему такого пламенного увещевателя; Боккаччо же был не только верующий христианин вообще, но и никогда не сомневался в догматах католицизма, хотя в юности и был, по-видимому, равнодушен к религии и насмехался над пороками духовенства и монахов. Как и Петрарка, созидая новую культуру, он все-таки был человеком переходной эпохи, выросшим и стоявшим на средневековой почве. И теперь на него напало раскаяние во всем, что он нагрешил в прошлой жизни: воспоминание о написанных им сочинениях и о многочисленных прижитых им незаконных детях мучили его.

Под свежим впечатлением выслушанных им от монаха увещеваний Боккаччо решил посвятить себя религиозной деятельности, отказаться от дальнейших литературных занятий и, чтоб избежать всякого соблазна, сбыть куда-нибудь даже всю свою библиотеку. Он сообщил свое намерение Петрарке, прося его совета. Петрарка ответил ему длинным письмом, показывающим в нем как большую набожность, так и еще большее присутствие здравого смысла. Петрарка сам был в то время весьма религиозно настроен, и неизвестно, конечно, как бы он поступил, если бы с ним случилось то, что с Боккаччо; но так как здесь ему предстояло рассудить все-таки чужое дело, то он ответил Боккаччо, что хотя в некоторых случаях видения и откровения

при жизни и возможны для некоторых личностей, чему приводил даже примеры из латинских авторов, но что при этом бывают тоже обманы и ошибки, а поэтому Боккаччо не должен принимать с безграничным доверием всего, что ему наговорил Чиани; что предсказание скорой смерти вовсе не предсказание, потому что смерть ожидает каждого человека ежеминутно; что, конечно, полезно будет вести более серьезный и благочестивый образ жизни, но что отказываться от поэзии нет никаких оснований, ибо то и другое отлично может совмещаться.

Зная религиозность Петрарки и, в общем, привыкнув подчиняться его влиянию, а с другой стороны, и сам несколько успокоившись после первого порыва, Боккаччо отказался от мысли порвать окончательно со своим прошлым. Тем не менее известное «обращение» в нем до некоторой степени совершилось, и он уже не писал ничего подобного прежнему; его занятия приняли преимущественно научное, гуманитарное направление; если он и писал иногда стихи, то вполне невинного и даже нравоучительного характера. Он не только высказывал сожаление, что написал свои прежние сочинения, но при всяком удобном случае предостерегал от чтения их. Как все «обращенные» или «обратившиеся», он впадал иногда в крайности, хотя все-таки «обращение» его нельзя назвать полным: средневековой склад мыслей не победил в нем окончательно направления эпохи Возрождения и гуманизма, но они как бы вошли между собою в компромисс, и, таким образом, общий строй идей у «обращенного» Боккаччо является прототипом того направления, которому позднее подчинились целые народы.

Некоторые биографы утверждали даже, что Боккаччо после этого «обращения» сам стал монахом или священником. Но так как это обстоятельство нигде не подтверждается ни самим Боккаччо, ни Петраркой, то надо предполагать, что это известие основано лишь на слухах, вероятно, распущенных монахами для усиления значения его раскаяния и влияния, оказанного на него проповедью Чиани.

Глава V Старость и смерть Боккаччо

Поездка в Неаполь. – Неприязненные отношения между Боккаччо и Аччьяйоли. – Письма Боккаччо к Франческо Нелли. – Боккаччо у Петрарки в Венеции. – Возвращение во Флоренцию и новые дипломатические поручения. – Вторая поездка в Венецию. – Поездка в Неаполь. – Посещение монастырских библиотек. – Возвращение во Флоренцию. – Тяжкая болезнь. – Выздоровление. – Участливость к Боккаччо его друзей. – Публичные лекции о «Божественной комедии». – Смерть Петрарки. – Смерть Боккаччо. – Участь его останков. – Изображение Боккаччо. – Его наследники. – Участь его библиотеки. – Заключение.

Хотя в то время, когда Чиани явился со своей проповедью покаяния, Боккаччо было только 48 лет, но он уже начинал стареть более, чем это обыкновенно бывает с людьми его возраста; причиной этому была, конечно, его довольно бурно проведенная молодость в связи с напряженными занятиями литературой. Теперь же, после своего «обращения», он окончательно состарился, потерял охоту к прежним развлечениям и поэзии и, занимаясь серьезными и религиозными предметами, думал о спасении души.

По-видимому, вскоре после посещения Чиани, а может быть, именно вследствие оказанного этим посещением влияния на настроение духа Боккаччо, Николай Аччьяйоли, вероятно желая предоставить Боккаччо возможность развлечься переменой места, пригласил его к себе в Неаполь. Боккаччо охотно принял это приглашение и в ноябре отправился туда в сопровождении брата своего, Якопо. Он, конечно, ожидал встретить у могущественного, богатого, щедрого, дружески к нему расположенного великого сенешаля почетный прием и надеялся провести у него приятно время, вспоминая прожитые в Неаполе дни молодости. Но вышло иначе. Аччьяйоли был очень недоволен Боккаччо за то, что тот отказался от сделанного ему, вместе с приглашением приехать, предложения написать хвалебную биографию Аччьяйоли, а все-таки приехал. Боккаччо был принят не только весьма холодно, но оказанное ему невнимание граничило с полным пренебрежением; по крайней мере, таким описывает его сам Боккаччо в письме к своему другу Франческо Нелли, бывшему у Аччьяйоли чем-то вроде гофмейстера. Если верить всему, что пишет Боккаччо к Нелли тотчас после отъезда из Неаполя, – то его поместили в грязном холодном чулане, который он, по размерам и грязи, сравнивает с отхожим местом на корабле; кормили его объедками

за одним столом с оборванными, грязными, голодными и больными конюхами, поварами, мальчишками и другой челядью; не дали ему даже подушки на грязную, вонючую постель. Его брат Якопо удалился в гостиницу, не желая оставаться в отведенном ему помещении. Через некоторое время Боккаччо перевели на дачу, но и там его помещение и условия существования были нисколько не лучше. Он не решался возобновить прежние знакомства, не имея возможности принимать в конуре своих знакомых. Только участие его друга Кавальканти и еще какого-то купца, которого Боккаччо не называет, спасли его от того, что он не заболел и не умер. Он не захотел оставаться долее в таком странном положении и, переехав к купцу, прожил у него пятьдесят дней, до самого своего отъезда из Неаполя, а его меценат Аччьяйоли даже не вспомнил о нем за все это время. И Аччьяйоли, и Франческо Нелли видели и знали все это, но не обращали никакого внимания.

Очевидно, здесь Аччьяйоли выказал мелочную мстительность за отказ Боккаччо быть его панегиристом и предоставил поэта произволу своей прислуги. Но еще непростительнее отношение к Боккаччо его будто бы даже друга, Франческо Нелли, от которого зависело дать Боккаччо такое помещение, чтобы он не имел повода высказывать столь резких, хотя, быть может, и несколько преувеличенных жалоб.

Но едва рассерженный Боккаччо покинул Неаполь, как Аччьяйоли почувствовал раскаяние и стыд за свое поведение в отношении поэта, а может быть, и боязнь, что слух об этом обстоятельстве подорвет его репутацию мецената, в особенности, если Боккаччо вздумает на писать на него сатиру вроде «Corbaccio». Эта боязнь заставила его тотчас же подумать о том, как бы загладить неприятную историю, и он поручил Нелли написать Боккаччо письмо в примирительном духе, приглашая его снова приехать в Неаполь. Но Нелли исполнил это поручение весьма неудачно. Он сделал вид, как будто ничего не знал, что Боккаччо не пользовался никакими удобствами во время своего пребывания в Неаполе, и упрекал его же за то, что он так внезапно уехал, называя поэта непостоянным, неуживчивым и капризным. Боккаччо, чувствовавший себя вполне правым, был еще более раздражен этим письмом, и если в первом он еще несколько сдерживался, вследствие свойственного ему такта и мягкости характера, то теперь ответил еще резче, предназначая свой ответ, конечно, не одному только Нелли, а и его патрону. Прежде всего он оправдывается в сделанном ему упреке относительно его неуживчивости и внезапности его отъезда. Он доказывает, что никто бы не прожил и дня в том положении, в

какое его поставили, а он прожил два месяца; уехал же, простившись и с Аччьяйоли, и с Нелли за два дня до отъезда; странно уверять его, что отъезду его не верили, когда никто не думал его удерживать. Затем он с ничем неудержимой беспощадностью и резкостью развенчивает все прославленные качества Аччьяйоли: его щедрость, его таланты, ум, знания, великодушие, стойкость в несчастии, способности полководца и администратора, роскошь его жизни, – ничто не позабыто и все более или менее доказательно, хотя и преувеличено, осмеяно и низведено до степени ничтожества. Он насмехался над желанием Аччьяйоли найти возможность производить свой род от фригийских богов, как будто это может иметь какое-нибудь значение и как будто не все люди равны при рождении, отличаясь впоследствии только своим духовным и телесным развитием. Он смеется над недоступностью Аччьяйоли: легче добраться до короля, чем до этого мецената, который, делая вид, что очень занят, в сущности, ловит в это время мух. Боккаччо называет его не другом, а врагом муз и объясняет причину, почему с ним обошлись так унизительно: его хотели заставить выдавать сказки за историю и писать похвалы тому, что заслуживало порицания; но он никогда не способен унизиться до этого, и Нелли сам как литератор не должен удивляться, что он, Боккаччо, отказывается от такой сомнительной чести. От вторичной поездки в Неаполь Боккаччо наотрез отказался, говоря, что он скорее пойдет просить милостыню от дома к дому, чем обратится к такому покровителю даже в самой крайней нужде. В заключение Боккаччо просит не обращаться к нему с упреками, потому что он сумеет ответить на них лучше, чем любой другой. Замечательно, что насколько Боккаччо прежде преклонялся перед Аччьяйоли и удивлялся его талантам, настолько же он теперь развенчивал его. Истина в отношении Аччьяйоли находится, вероятно, как всегда, посередине. Но отчего зависела такая перемена взглядов? Трудно допустить, чтобы одно только невнимание, которое Боккаччо испытал как гость у Аччьяйоли, могло побудить к таким беспощадным и бесцеремонным нападкам на знаменитого сенешаля, с какими мы встречаемся в этом письме-сатире. Трудно также допустить, чтобы характер Боккаччо настолько изменился, что то, что когда-то служило для него предметом поклонения, стало теперь предметом отвращения; сохранились же отношения Боккаччо к Петрарке неизменными до конца жизни. Но, вероятно, к этим двум причинам примешивалось еще и общее предубеждение, которое Боккаччо должен был питать к Аччьяйоли, как республиканец к придворному выскочке. В это время отношение всех вообще флорентийцев к своему

достигшему могущества согражданину изменилось: во Флоренции стали относиться с недоверием к Аччьяйоли, стали подозревать его в стремлении к тирании, и был даже издан особый, специально направленный против него, закон, по которому он навсегда лишался возможности сделаться гонфалоньером или приором Флорентийской республики. Это, конечно, не могло оставаться без влияния и на Боккаччо, который теперь смотрел уже на все трезвыми глазами зрелого мужа, а не легкомысленного, увлекающегося и поэтически настроенного юноши, каким он был в первый свой приезд в Неаполь.

Да, изменился, конечно, в это время и сам Аччьяйоли, тогда бывший лишь простым купцом, а теперь могущественным придворным и фактическим правителем Неаполя.

Таким образом, пробыв несколько месяцев в некогда столь дорогом ему Неаполе, Боккаччо покинул его, огорченный и настроенный еще хуже, чем он поехал туда из Флоренции. Но он не вернулся сразу во Флоренцию, а заезжал, по-видимому, в разные места, пока Петрарка, в это время тоже не имевший определенного места жительства, не поселился в конце 1362 года в Венеции. В мае следующего, 1363, года Боккаччо приехал к нему в гости и прожил у своего друга все лето. Так как в это время во Флоренции снова свирепствовала чума, то и Леонтий Пилат перебрался, по-видимому, из Флоренции в Венецию, и перевод Гомера, вероятно, продолжался и здесь.

Осенью Боккаччо возвратился во Флоренцию, хотя Петрарка уговаривал его остаться еще на некоторое время в Венеции, потому что чума во Флоренции все еще не прекратилась.

О жизни Боккаччо в течение следующих двух лет не имеется никаких биографических сведений. Вероятно, это время он провел в своем родном Чертальдо за научными занятиями, потому что жизнь во Флоренции не представляла ничего привлекательного: с одной стороны, продолжались чума и раздоры партий, а с другой, – банды наемных чужеземных солдат под предводительством авантюристов-кондотьеров вели за Флоренцию войну с Пизой и как вражеские, так и свои наемные войска одинаково опустошали Тосканскую область.

В конце лета 1365 года на Боккаччо возлагается дипломатическое поручение к папе в Авиньон. Мы не будем распространяться о цели этого посольства. Обстоятельства, вызвавшие его, незначительны и в политическом отношении, а для биографии Боккаччо и совсем не имеют значения. Принят при папском дворе он был очень хорошо, в особенности некоторыми оставшимися еще там друзьями Петрарки. Между прочим, Филипп Кабассель, престарелый патриарх Иерусалимский,

публично, к немалому удивлению присутствовавших папы и кардиналов, обнял и расцеловал Боккаччо как старого дорогого друга.

В октябре того же года папа перенес свою резиденцию в Рим, и Боккаччо вскоре был назначен вновь послом к папе, вероятно, с целью принесения ему поздравления от флорентийцев по случаю возвращения папы в город, где ему всегда следовало быть. В послании, которое папа отправил к флорентийцам 1 декабря 1367 года, он, отзываясь с похвалой о Боккаччо, называет его «своим любезным сыном».

Весной 1368 года Боккаччо предпринял поездку в Венецию по делам; но какого рода были эти дела, определить по имеющимся биографическим материалам нельзя. Письмо Боккаччо к Петрарке, в котором он описывает эту поездку, особенно ярко подтверждает те действительно дружеские отношения, которые существовали между обоими поэтами, и то глубокое уважение, которое Боккаччо питал к Петрарке, сознавая его превосходство над собой. Между прочим, мы видим из него, что Боккаччо в то время был уже настолько беден, что Франческо, муж дочери Петрарки, узнав об этом, сделал ему щедрый денежный подарок. Боккаччо, описывая эту сцену и с любовью отзываясь о молодом Франческо, говорит, что, передавая ему деньги, Франческо краснел, смущался, не мог говорить, а передав и пожелав Боккаччо счастливого пути, – дело было перед самым отъездом Боккаччо из Венеции, – тотчас скрылся из комнаты, оставив Боккаччо одного. В заключение Боккаччо пишет Петрарке, что очень дорожит его красноречивыми письмами и принялся переписывать их все по порядку в особую тетрадь; но при этом оказывается, что многие из писем, посланных Петраркой, никогда не были получены Боккаччо, и он просит своего друга прислать с них копии для того, чтобы он мог составить себе полный том их, ибо в, этих письмах заключалось много философского и научного материала. В начале 1371 года Боккаччо оказывается снова в Неаполе, но неизвестно, по какой причине и когда именно. Мы видим только, что в это время он посещал монастыри и их библиотеки, отыскивая в них интересовавшие его старинные книги. Вероятно, к этому же времени относится любопытный рассказ ученика Боккаччо, Бенвенуто да Имола, о том, как Боккаччо посетил монастырь Монте-Казино в Апулии, славившийся своей библиотекой и ученой деятельностью тамошних монахов. Желая видеть эту прославленную библиотеку, о которой он так много слыхал ранее, Боккаччо скромно и любезно попросил одного из монахов отпереть ему дверь комнаты, где было книгохранилище. Монах же ответил ему

довольно резко и коротко: «Она отперта, полезай вон туда», – и указал при этом на высокую лестницу. Боккаччо с радостью взобрался по лестнице, стремясь увидать эту сокровищницу, но, к удивлению своему, заметил, что помещение не имело никаких запоров, окна его заросли травой и мхом и все книги и полки, на которых они хранились, были покрыты толстым слоем пыли. Он начал перелистывать фолианты и нашел там много редких книг самого разнообразного содержания, из которых множество страниц было вырвано, другие оказались с отрезанными переплетами и вообще так или иначе обезображенными. Боккаччо был страшно огорчен, что столько произведений знаменитых ученых находится в руках таких бессовестных людей, и со слезами на глазах вышел из этой «библиотеки». Встретив затем в монастыре одного из монахов, он спросил его, отчего многие из этих драгоценных книг подверглись такому варварскому обращению с ними. Тот ответил, что некоторые монахи, чтобы заработать иногда несколько сольди, счищают с пергаментных листов старые рукописи и на стертом пишут молитвенники, которые продают детям, а из ободков вырезают амулеты для женщин. «Вот и ломай голову, ученый человек, и пиши книги!» – с горьким юмором заканчивает Бенвенуто Имола свой рассказ.

В Неаполе Боккаччо был принят очень хорошо старыми друзьями, которые и старались теперь удержать его там. В особенности хлопотал об этом граф Гуго Сансеверино, старавшийся вызвать участие к Боккаччо в королеве Иоанне. Быть может, Боккаччо, который в это время успел совершенно обеднеть, и решился бы остаться в Неаполе в качестве пенсионера графа или королевы, но, вероятно, боязнь попасть в зависимое положение, неудобства которого он уже испытал однажды у Аччьяйоли, да тоска по родной Флоренции, которую он, несмотря на разные неприятности, все-таки любил, тоска по родному Чертальдо и по собранной долгими трудами библиотеке, перевезти которую в Неаполь он, по-видимому, боялся, – взяло верх, и Боккаччо снова вернулся во Флоренцию и Чертальдо.

Вскоре по возвращении, летом 1372 года, его постигла ужасная болезнь сложного характера. Боккаччо был уже стариком, в своей жизни ему пришлось много ездить, вынести много лишений, неприятностей, забот и трудов и в то же время сделать большой глоток из чаши наслаждений, а в последние годы он постоянно страдал от тучности. Теперь, вероятно, трудный при тогдашних путях сообщений переезд из Флоренции в Неаполь и обратно отозвался сильным расстройством всего организма, и болезнь проявилась в жестокой форме. Всего лучше он описывает ее сам в письме к своему другу Магинардо

Кавальканти. Письмо это сравнительно небольшое, писано в течение 18 дней в то время, когда Боккаччо начал уже настолько поправляться, что мог взяться за перо.

«Больше всего страдал я, – пишет Боккаччо, – постоянным жжением в теле и сухой чесоткой в такой сильной степени, что день и ночь царапал ногтями засохшую сыпь и коросты. Кроме того, мучили меня завалы, боль в почках, вздутие селезенки, воспаление мочевого пузыря, удушливый кашель, хрипота, тупая головная боль и другие болезни. Если бы перечислить все мои болезни, то ты сказал бы, что все органы моего тела расстроились и все соки испортились. Вследствие этого жизнь мне в тягость, тело мое для меня тяжкое бремя, походка моя неустойчива, руки дрожат, лицо мертвенно бледно, всякий аппетит пропал, и все меня раздражает. Самое занятие науками стало мне противно, и книги, еще недавно так горячо любимые, стали для меня теперь предметом отвращения; умственные способности совершенно ослабели, память почти совсем пропала, способность думать притупилась, и все мои мысли направлены к смерти и гробу. Что прежде служило для меня прекраснейшим и действительнейшим утешением, теперь у меня отнято. Музы, небесное пение которых меня радовало, теперь для меня онемели».

Далее Боккаччо описывает ужасную лихорадку, озноб и жар, не дававшие ему покоя, и рассказывает, как он думал, что пришел уже его последний час. При нем находится только одна женщина-прислуга, живущая у него в доме уже много лет, а в Чертальдо, где он лежит больной, нет ни докторов, ни аптеки. Боккаччо, впрочем, во всю свою жизнь не признавал докторов, предоставляя самой натуре излечивать случайно постигавшие его недомогания. Но после ночи, проведенной в таком внутреннем жару, что ему казалось, будто тело его должно превратиться в пепел, Боккаччо, по совету навестивших его утром соседей-крестьян, решается подвергнуться лечению простого деревенского доктора или знахаря, «впрочем, весьма толкового человека». Этот врач, осмотрев его и найдя огненное пятно на теле против того места, где расположена печень, заявляет, что необходимо быстрое лечение, состоящее в удалении из тела лишних и вредных соков. Если это сделать, больной будет спасен, иначе он через четыре дня умрет. Боккаччо соглашается, и тогда его подвергают настоящей пытке в виде многочисленных кровопусканий и прижиганий его язв раскаленным железом. Но зато в ту же ночь он в первый раз уснул спокойно, а затем начал и поправляться.

Через две недели после того, как Боккаччо написал к Кавальканти это письмо, он получил от него ответ. По тогдашним условиям почтового сообщения это было очень скоро.

Кавальканти прислал ему при этом письме щедрый подарок: золотой сосуд, наполненный червонцами. Обрадованный этой присылкой Боккаччо написал тотчас же Кавальканти письмо, в котором горячо благодарил его. Затем, отвечая на один из пунктов письма Кавальканти, где тот сообщал, что хочет дать прочесть дамам, составляющим его семью, сочинения Боккаччо и, разумеется, в том числе и «Декамерон», – Боккаччо убедительно просил его не делать этого, ибо он сам от всего сердца раскаивается, что некогда, по приказу свыше (вероятно, королевы Иоанны), написал такие безнравственные книги, и вовсе не желает, чтобы дамы семьи Кавальканти составили о нем понятие как о человеке развратном.

Не один Кавальканти желал обеспечить Боккаччо спокойное, беззаботное существование в его старости. Еще до своей болезни Боккаччо получил подтверждение искреннего дружеского расположения к нему от Николая Орсини, который приглашал его поселиться у него в имении. Но Боккаччо отклонил это предложение, написав, что пока еще ему хватает на проживание того, что он получает с маленького, унаследованного от отца, имущества, а жить ему осталось во всяком случае немного; но он обещает, если ему когда-либо придет мысль переменить место жительства, отдать предложению Орсини предпочтение перед всеми другими, хотя его приглашали уже и Сансеверино, и Петрарка, и король Яков Майоркский (третий муж королевы Иоанны неаполитанской). Таким образом, мы видим, что Боккаччо в старости не был забыт своими друзьями, и это, без сомнения, должно было служить ему утешением.

Боккаччо, конечно, благодаря не столько коновальскому леченью деревенского врача, сколько последним усилиям его натуры, наконец поправился после своей тяжелой болезни; но это восстановление здоровья, понятно, не могло быть прочно и устойчиво. Он продолжал теперь постоянно прихварывать до самой своей смерти. Тем удивительнее его литературная деятельность последнего, предсмертного периода. Кроме нескольких мелких вещей, он написал в это время свои комментарии к «Божественной комедии» Данте, произведение настолько же объемистое, насколько глубокое и полное благородного вдохновения.

Обстоятельства, вызвавшие появление этих комментариев, были следующие: флорентийские граждане, с одной стороны, вероятно, раскаиваясь в своем поведении относительно Данте, а с другой, – быть может, желая оказать материальную поддержку Боккаччо, обратились к своему правительству с петицией устроить ряд публичных чтений *«для объяснения поучительной*

книги, известной под вульгарным названием „Данте“», поручив это дело какому-либо человеку, вполне сведущему в науке поэзии, и назначив за эти чтения вознаграждение в сто золотых гульденов.

Эту петицию сеньория приняла большинством 186 голосов против 18, и Боккаччо как человек, наиболее подходящий для этого дела и написавший уже ранее биографию Данте, был избран лектором, а местом чтений назначена церковь Св. Стефана.

Боккаччо следует считать даже главным виновником возбуждения такого интереса к Данте среди флорентийцев: «Жизнь Данте» («Vita di Dante»), написанная Боккаччо, представляет не столько беспристрастное жизнеописание великого флорентийского поэта, изгнанного своими согражданами, сколько его апологию и панегирик ему.

Сколько именно лекций было им прочитано, – неизвестно, но в его тетради найдено всего 60 написанных отдельных лекций, тщательно обработанных, хотя различных по объему. К сожалению, эти чтения не были доведены до конца. Последняя лекция, должно быть, так и не прочитанная, обрывается на полуфразе семнадцатой песни «Ада»; но и в этом неоконченном виде книга свидетельствует о большой учености и таланте ее автора.

Почти ровно через год после начала этих чтений, 19 октября 1374 года, Боккаччо получил от Франческо да Броссано, зятя Петрарки, печальное известие, что Петрарка скончался. Это известие глубоко потрясло Боккаччо. Скорбь его понятна: в Петрарке он потерял близкого друга, учителя и любимого поэта, и притом в такое время, когда ему самому угрожала в близком будущем смерть. Это ожидание собственной смерти сказывается и в письме, которое Боккаччо написал тотчас же к Франческо в ответ на его извещение о смерти Петрарки. «Он не ушел *от нас,* – пишет Боккаччо, – а только ушел раньше нас туда, куда и мы вскоре последуем за ним».

Из этого письма Боккаччо мы узнаем, что он должен был прервать свои чтения о Данте вследствие новой болезни, на этот раз менее опасной, но не менее докучной и мучительной, и, по настоянию своих друзей, удалиться в Чертальдо. Там он пребывал в вынужденном бездействии, мучимый постоянной лихорадкой, в борьбе между жизнью и смертью. «Прежде я был толст, – пишет он, – теперь же совсем сморщился, цвет лица изменился, глаза потускнели, колени подгибаются, руки дрожат».

Значительная часть этого письма наполнена довольно напыщенными риторическими утешениями и размышлениями по поводу смерти Петрарки. Между прочим, Боккаччо высказывает, что как флорентиец завидует Аркве, приютившей священный прах

Петрарки, и упрекает флорентийцев за то, что они не сумели привлечь в свое время на родину прославленного поэта, оправдав старинное изречение, что никто не бывает пророком в своем отечестве. Потом он выражает благодарность покойному и за его прежнее гостеприимство, и за то, что тот не забыл его даже в своем завещании, отказав ему значительную часть имущества. Но здесь Боккаччо уже чересчур преувеличивает: Петрарка завещал ему всего 50 золотых гульденов «на приобретение теплого зимнего платья», которые Франческо тогда же и препроводил ему.

В заключение Боккаччо выражает беспокойство, что станется с библиотекой Петрарки и с его рукописями. До него дошел слух, что составилась уже какая-то комиссия для рассмотрения сочинений Петрарки и решения вопроса о том, какие из них достойны сохранения, и Боккаччо возмущается, что это дело может быть поручено каким-нибудь юристам, считающим себя компетентными в решении всяких вопросов. Он призывает Бога охранить создания поэта от суда этих лиц. Затем Боккаччо просит Франческо прислать ему копию с одного из писем Петрарки и копию сделанного Петраркой перевода на латинский язык последней новеллы из «Декамерона» («Гризельда»), которая так нравилась Петрарке, что он считал нужным распространить ее в латинском переводе.

Выразив свои чувства по поводу смерти Петрарки в этом письме, которое он, как видно из заключительных слов его, писал три дня, Боккаччо написал также сонет, в котором, обращаясь к Петрарке, говорит, что он ушел туда, куда надеется вознестись всякая избранная Богом душа, туда, где находятся Лаура, Фьяметта, Данте, и просит Петрарку скорее призвать и его к себе для того, чтобы он мог увидать снова ту, которая некогда воспламенила в нем любовь.,

Ко времени его последнего пребывания в Чертальдо относится отдельная новелла «Urbano», написанная им (как видно из вступления к ней), чтобы рассеять мрачные мысли, вызванные в поэте его болезнью и смертью Петрарки. Полагают, что, почувствовав улучшение здоровья, Боккаччо возвращался на короткое время во Флоренцию в 1375 году для возобновления лекций о Данте, но вскоре опять заболел и удалился окончательно в Чертальдо, где умер 21 декабря 1375 года. Согласно его завещанию, он и погребен в Чертальдо же, в церкви Св. Иакова.

Его могила была покрыта мраморной плитой с поясным изображением поэта и герба его рода, а на стене над этой плитой вырезана написанная им самим эпитафия, четырехстишие на латинском языке. В 1783 году, вследствие неправильно понятого

закона о погребении в церквах, плита эта была сломана и обломки ее как не имеющие ценности затеряны. Были вынуты при этом также и кости Боккаччо, насколько они еще сохранились тогда, а вместе с костями найден в могиле металлический цилиндр с несколькими свитками рукописей на пергаменте. Куда девались эти реликвии, – неизвестно. Вероятно, ими воспользовался тогдашний священник прихода Св. Иакова, Франческо Контри, но после смерти Контри от них не осталось и следа. В 1825 году были предприняты в Чертальдо официальные розыски останков Боккаччо, но ничего не найдено, и только одна остававшаяся в живых старуха-экономка покойного священника Контри сообщила, что ее господин хранил у себя череп Боккаччо и показывал его своим друзьям.

В 1503 году подеста Чертальдо, Латтанцио Тедальди, воздвиг в церкви Св. Иакова бюст Боккаччо, изображающий поэта прижавшим обеими руками к груди книгу с надписью «Decameron» и свидетельствующий об отсутствии у автора этого бюста, по меньшей мере, вкуса.

Так как изображение Боккаччо, бывшее на могильной плите, утеряно, то надо полагать, что все по следующие многочисленные портреты его – плод фантазии работавших над ними художников. Наибольшую достоверность признают за двумя: один находится при «Filostrato», хранящемся в Национальной библиотеке во Флоренции, другой – при рукописи 1379 года (Bibl. Laurenz. 49, Pluteo 34).

После Боккаччо не осталось потомства. Его побочные дети, неизвестно когда и с кем прижитые, но упоминаемые им под вымышленными именами в 14-й эклоге, умерли раньше его. Как видно из одного письма к Петрарке, у Боккаччо была дочка Виоланта, которую он очень любил и которая умерла на шестом году. Наследники же Боккаччо, дети его брата Якопо, не представляют для нас интереса.

Мы видели, что Боккаччо жаловался на бедность и считался за бедняка даже его друзьями. Однако эта бедность была весьма условной и выражалась, вероятно, главным образом в отсутствии свободных наличных денег, которые поэт тратил на приобретение книг и на путешествия, быть может, в больших размерах, чем ему позволяли его доходы. Из духовного завещания Боккаччо, составленного у нотариуса Тинелло Бонасере во Флоренции, 28 августа 1374 года, видно, что у него было разнообразное имущество, хотя имелись и кое-какие долги, на покрытие которых поэт завещал продать дом в Чертальдо, если на расплату не хватит наличных средств. Он еще ранее (в 1361 году) подарил своему брату Якопо дом во Флоренции, а теперь назначил

главными наследниками своего имущества двух сыновей этого брата с тем, что они воспользуются имуществом лишь по достижении ими 30-летнего возраста, а до тех пор оно должно быть в пользовании их отца, который вместе с несколькими другими лицами был назначен исполнителем завещания, душеприказчиком Боккаччо. Назначив незначительные суммы на разные благотворительные дела, Боккаччо завещал свою библиотеку августинскому монаху, профессору богословия Мартино да Синья, при условии, чтобы тот молился о спасении его души; по смерти же Мартино да Синья она должна перейти в монастырь Св. Духа, храниться там в особом шкафу, и всем монахам должно быть предоставлено беспрепятственное пользование ею. Это было исполнено, но в 1471 году монастырь Св. Духа сгорел, причем погибла и вся библиотека Боккаччо, и мы не имеем никаких сведений ни о размерах ее, ни о книгах, из которых она состояла.

В заключение еще несколько слов о литературном значении Боккаччо. Слишком скромный в признании своих заслуг, он, сопоставляя свою деятельность с деятельностью Данте и Петрарки, считал себя гораздо ниже их. По его словам, он «с большой смелостью вступил на путь, проторенный Петраркой, но лишь издали видел возвышающиеся до небес вершины и, оробев, потерял силы идти далее; никогда не был он поэтом, хотя и напрягал все свои силы сделаться им».

Эта его характеристика самого себя не есть фарисейское самоуничижение, которое бывает паче гордости, а результат ошибочных взглядов на литературу, которые были в то время не у одного Боккаччо. Он слишком много придавал значения своим научным занятиям, в которых все-таки остался, с современной точки зрения, только дилетантом, компилятором и коллекционером, и слишком мало ценил прозаическую форму своих лучших произведений сравнительно со стихотворной. Между тем его смело можно считать основателем того рода литературы, который в наше время приобрел наибольшую популярность, – именно беллетристики всех родов. «Декамерон» послужил образцом для новеллистов и рассказчиков позднейших времен. Но если для этого произведения самому Боккаччо могли служить хоть отчасти материалом и образцами французские fabliaux[6] и восточные сказки, если идея соединить в одну общую рамку несколько рассказов принадлежит также Востоку (кроме известной Шахерезады, есть и другие произведения подобного рода), зато вполне оригинальным является его роман «Фьяметта», сделавшийся прототипом современного романа. Эта история страданий любящего сердца, эта глубокая психология мук

покинутой женщины, рассказанная ею самою, представляет вполне современный роман, написанный более пятисот лет тому назад.

Боккаччо не придавал этим произведениям того значения, какое они имеют в действительности. Как человек своего времени, он считал высшим родом литературы аллегорию, и большинство его произведений написаны в аллегорической форме. «Ameto», «Filicopo», «Amorosa Visione», его эклоги, многие сонеты, – все это аллегории, и притом не только малоинтересные для нашего времени, но и малопонятные без комментариев. Даже в «Тезеиде», «Филострате» и «Ninfale fiesolano» надо искать аллегорические намеки. А кому же в наше время придет охота рыться в мифологических и исторических изысканиях, чтобы уразуметь, что хотел сказать поэт в своем произведении? Этот род литературы теперь осужден безвозвратно на забвение. Относительная же польза этих произведений Боккаччо для своего времени заключалась в том, что они знакомили читателей на итальянском языке с древними мифами и духом той античной культуры, пророками и последователями которой Петрарка и Боккаччо как раз и являлись.

Но признавая аллегорию, и притом в стихах, наиболее достойной, почти единственной достойной формой поэтических произведений, Боккаччо неосознанно сделался родоначальником романистов-прозаиков. Точно так же, создавая итальянский литературный язык, он считал наиболее достойным поэта язык латинский. Он высказывал сожаления, что «Божественная комедия» написана Данте по-итальянски, находя, что она много выиграла бы, если бы была написана по-латыни. Аллегория в латинских стихах – вот идеал литературного произведения по Боккаччо. И в этом опять-таки чувствуется влияние Петрарки, который предпочитал писать на латыни. Петрарка втайне завидовал Данте и боялся прослыть его подражателем; поэтому он до тех пор даже и не читал Данте, пока совсем не бросил писать итальянские стихи и не отдался ученой и философской деятельности. Он находил даже нужным оправдываться в том, что он будто бы завидует Данте, и говорил, что он не может дорожить славой между ткачами и трактирщиками (намекая этим на итальянский – vulgare – язык «Божественной комедии») и предпочитает делить славу с Вергилием, Овидием и Цицероном. Вслед за Петраркой это предпочтение к латинскому языку отразилось впоследствии и у всех гуманистов и было одной из дурных сторон нового движения. Вызванное у Петрарки более всего его личным славолюбием и боязнью упрека в подражании Данте, у последователей Петрарки оно было естественным

влиянием их учителя и образца. Но, по счастью, судьба толкнула Боккаччо своевременно на другой путь, и он бессознательно и даже как бы вопреки этим своим взглядам сделался основателем изящной беллетристики вместо аллегории и отцом итальянского прозаического языка, вытеснившего латинский. Да и само содержание его аллегорических произведений носит на себе печать двух культур: средневековой и античной. Петрарке хотелось бы восстановить античную жизнь вполне, со всеми ее особенностями, оторваться окончательно от средневековой культуры, оставив из всего современного ему лишь одно христианство среди всех других общественных и духовных сторон античной жизни. Но, разумеется, *один* человек не мог пересоздать того, что создавалось поколениями и веками, и попытка прямолинейного в этом отношении Петрарки должна была остаться мертворожденной. Боккаччо же, более уступчивый посторонним влияниям, примирил и в своей личности, и в своих произведениях средневековый романтизм с духом античного мира, сразу став, таким образом, на тот путь, по которому позднее пошли все народы Европы. И хотя это примирение и единение двух культур и дало впоследствии немало «гнилых» плодов, но оно во всяком случае вырвало Европу из средневекового невежества и мрака.

Источники

Материалы для биографии Боккаччо вообще довольно скудны. Поэтому не только время разных событий в его жизни, но и сами эти события недостаточно ясно и точно установлены.

Первая его биография написана современником его *Filippo Villani* в книге De civitatis Florentiae famosis civibus. Лучшим же биографом Боккаччо считается *Baldelli* (Vita di Giovanni Boccaccio). Затем заслуживают внимания *Manni* (Istoria del Decamerone) и *Manetti* (Specimen historiae litterariae Florentinae seculi XIII ac XIV s. vitae Dantis, Petrarchae ac Boccaccii). На французском, немецком и английском языках можно указать на:

Gebhart. Les Origines de la Renaissance en Italie.

Addington Symonds. Renaissance in Italy, the Revival of Learning.

C. Witte. Введение к немецкому переводу «Декамерона».

Lindau. Giovanni Boccaccio, sein Leben und Werke.

Главнейшими же руководствами для составления настоящего биографического очерка служили:

Ginguené. Histoire litteraire d'Italie.

G. Voigt. Die Wiederbelebung des classischen Alterthums oder das erste Jahrhundert des Humanismus.

G. Koerting. Geschichte der Literatur Italiens im Zeitalter der Renaissance.

notes

Примечания

1

В первый день королева предоставляет каждому рассказать новеллу на любой сюжет, какой кому придет в голову; во второй – рассказывают о лицах, достигших после долгих препятствий успеха, превысившего их ожидания; в третий – о тех, которые ловкостью добились цели или возвратили потерянное; в четвертый – о тех, чья любовь окончилась несчастием и т. д.

2

«Любовное видение» *(лат.)*

3

«Генеалогия богов» *(лат.)*

4

«Фьезоланские нимфы»

5

«Ворон»

фабльо, фаблио – пересказ анекдотического события в прозе или в стихах *(фр.)*